

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

А. С. Пушкин и Греция

основная образовательная программа магистратуры по направлению
подготовки 45.04.01 «Филология»

Исполнитель:

Обучающийся 2 курса
образовательной программы
«Русская литература»
очной формы обучения

Калуси София

Научный руководитель:

к. ф. н., доц. Ларионова Екатерина Олеговна

Рецензент:

к. ф. н., старший научный сотрудник ИРЛИ
(Пушкинский Дом) РАН Дмитриева Нина Львовна

Санкт-Петербург

2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ВЛИЯНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТВОРЧЕСТВО А. С. ПУШКИНА	10
1.1. Лицейские годы (1813–1817).....	10
1.2. Петербург (1817–1820).....	17
1.3. Юг (1820–1826)	27
1.4. После Юга (1826–1837).....	38
ГЛАВА 2. ИНТЕРЕС А. С. ПУШКИНА К ГРЕЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	47
2.1. Исторический контекст Греческой революции и русско-греческих отношений в первой четверти XIX в.....	47
2.2. Связь А. С. Пушкина с деятелями Греческой революции и его филэллинистические взгляды.....	56
2.3. Письма А. С. Пушкина о Греческой революции	66
2.4. Стихотворения А. С. Пушкина, посвященные Греческой революции..	72
ГЛАВА 3. ВОСПРИЯТИЕ А. С. ПУШКИНА В ГРЕЦИИ	80
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	96
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ...	99

ВВЕДЕНИЕ

В области сравнительного изучения литератур проблема «Пушкин и мировая литература», безусловно, занимает видное место. Для изучения творчества Пушкина вопрос о роли инокультурных явлений, о восприятии зарубежных литератур и реакции на произведения авторов разных эпох и национальностей, имеет первостепенную важность, может быть, большую, чем для изучения творчества какого-либо другого русского писателя. По словам Ф. М. Достоевского, «Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность»¹. Заложив основы всего дальнейшего развития русской литературы, и шире — культуры, Пушкин одновременно внес в нее тот «компаративистский субстрат», который не могли полностью вытеснить и преодолеть даже эпохи наиболее упорного развития и эксплуатации национальной идеи.

Тема нашего исследования — «Пушкин и Греция» — включает несколько аспектов. Первый аспект связан с влиянием древнегреческой культуры на пушкинское творчество, и он, прежде всего, может быть рассмотрен в рамках более широкой проблемы «Пушкин и античная литература». За время своего существования пушкиноведение накопило обширный материал, касающийся отношения Пушкина к греко-римской античности. Помимо общих обзорных работ С. И. Любомудрова, П. Черняева, Н. Ф. Дератани, М. М. Покровского, Д. П. Якубовича, А. А. Тахо-Годи, Г. С. Кнабе и др.², можно указать здесь значительное число исследований, посвященных более частным вопросам.

---

¹Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1880 август. Глава вторая. Пушкин // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 437.

²Любомудров С. И. Античные мотивы в поэзии Пушкина. 2-е изд. СПб., 1901; Черняев П. А. С. Пушкин как любитель античного мира и переводчик древнеклассических поэтов. Казань, 1999; Дератани Н. Ф. Пушкин и античность // Учен. зап. Моск. пед. ин-та. Каф. истории всеобщей лит. 1938. Вып. 4. С. 5–34; Покровский М. М. Пушкин и античность // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. [Т. 4/5]. С. 27–56; Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // Там же. М.; Л., 1941. [Т. 6]. С. 92–159; Тахо-Годи А. А. Жанрово-стилевые типы пушкинской античности // Писатель и жизнь. М., 1971. Вып. 6. С. 180–200; Кнабе Г. С. 1) Пушкин и античность // Кнабе Г. С.

В этом аспекте в центре исследовательского внимания всегда оставалась греческая антология, обращение Пушкина к которой после 1819 г. под влиянием брошюры К. Н. Батюшкова и С. С. Уварова, а позднее — фрагментов идиллий и элегий А. Шенье, стало своего рода переломным моментом в его отношении к античности³. С. М. Бонди описал гекзаметрические опыты Пушкина, историю знакомства поэта с античным стихотворным размером⁴ и его освоения, происходивших на фоне литературной полемики о русском гекзаметре⁵. Собственно переводам Пушкина из греческой поэзии (выполненным, правда, при посредстве

Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия к культуре России. М., 1999. С. 145–153; 2) Пушкин и античность: Годы перелома // *Slavic almanac: The South African Year Book for Slavic, Central and East European Studies*. 1999. Vol. 5. N 7/8. P. 32–50. Основную библиографию работ по теме см. в статье Г. С. Кнабе «Пушкин и античная литература» (Пушкин и мировая литература: Материалы к Пушкинской энциклопедии. СПб., 2004. С. 30–31 (Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18–19)). Знакомству Пушкина с античной, в частности греческой, литературой, разумеется, уделяется внимание и в общих монографиях и жизни и творчестве Пушкина, таких, например как исследования Б. В. Томашевского и Б. П. Городецкого (см.: *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1: (1813–1824).; *Городецкий Б. П.* Лирика Пушкина. М.; Л., 1962). Общее представление о Пушкине попытался дать М. Александропулос в первой главе своей работы, в которой упоминаются самые важные этапы жизни и творческого пути поэта (*Αλεξανδρόπουλος Μήτσος* Πέντε Ρώσοι κλασικοί (5 русских классиков). Αθήνα: Ελληνικά Γράμματα, 2006. Σελ. 7–99).

³См., например: *Reeder R.* The Greek Anthology and its influence on Pushkin's poetic style // *Canadian-American Slavic Studies*. 1976. Vol. 10, N 2; *Мальчукова Т. Г.* 1) О жанровых традициях в «Анфологических эпиграммах» А. С. Пушкина // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1986; 2) «Подражания древним», «Эпиграммы во вкусе древних» и «Анфологические эпиграммы» в лирике А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики: Исследования и материалы. Петрозаводск, 1990; *Кибальник С. А.* 1) Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л., 1990; 2) Античная поэзия в России: XVIII — первая половина XIX века: Очерки. СПб., 2012.

⁴*Бонди С. М.* Пушкин и русский гекзаметр // Бонди С. М. О Пушкине: Статьи и исследования. М.: Худож. лит., 1978. С. 310–371.

⁵Эта полемика достаточно полно освещена в монографии А. Н. Егунова, см.: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.; Л., 1964. С. 174–188.

французских источников) посвящены работы Г. Г. Гельда⁶, М. П. Алексеева⁷, М. Л. Гаспарова⁸, Я. Л. Левкович⁹.

Второй аспект темы представляет анализ отношения Пушкина к событиям современной греческой истории, в частности, к Греческой революции, и ее отражение в творчестве поэта.

К этой теме обращались следующие российские ученые. Н. Свирин¹⁰ в своей статье иллюстрирует отношение Пушкина к Греческой революции и то, как оно отразилось в его творчестве. В этой работе рассматриваются причины сначала интереса, а затем охлаждения Пушкина к этой теме, а также упоминаются посвященные борьбе греков за независимость стихотворения и письма поэта. Эти письма более детально рассматриваются в работах¹¹ Я. Л. Левкович, в которых она подвергает анализу три письма, отразивших мнения Пушкина о смысле и ходе Греческой революции, и попытается установить их адресатов. В связи с изучением данного аспекта представляется важным очертить общий исторический контекст греко-русских отношений¹².

Поскольку тема представляет живой интерес для Греции, ее изучением занимались и греческие исследователи. Важно отметить, что все эти работы появились на свет только в последние десятилетия. Профессор Д. Фарсолас в

---

⁶Гельд Г. Г. Пушкин и Афиней // Пушкин и его современники. Л., 1927. Вып. 31–32. С. 15–18

⁷Алексеев М. П. К источникам «Подражаний древним» Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 20–28.

⁸Гаспаров М. Л. «Из Ксенофана Колофонского» Пушкина (Поэтика перевода) // Гаспаров М. Л. Избранные труды: В 4 т. Т. II. О стихах. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 88–99.

⁹Левкович Я. Л. К творческой истории перевода Пушкина «Из Ксенофана Колофонского» // Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л.: Наука, 1972. С. 91–100.

¹⁰Свирин Н. Пушкин и греческое восстание // Знамя. М.: Худож. лит., 1935. № 11.

¹¹Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988. С. 255–263, Левкович Я. Л. Три письма Пушкина о Греческой революции 1821 года // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 21. Л.: Наука, 1987. С. 16–23.

¹²Арш Г. Л. Россия и борьба Греции за освобождение: От Екатерины II до Николая I: Очерки. М.: Индрик, 2013.

своей книге¹³ предпринимает попытку рассмотреть и затем сформировать у греческих читателей общее представление об интересе русского поэта к Греческой революции, его связи с деятелями революции и посвященных ей стихотворениях.

Более подробно осветил эту тему К. Авгитидис¹⁴, опираясь на мнение о том, что нужно признавать вклад тех людей, которые в переломный момент истории Греции, протянули руку помощи греческому народу. К. Авгитидис достаточно подробно описывает деятельность Пушкина, связанную с Грецией, до и во время революции, его филэллинистические взгляды, а также упоминает важность древнегреческой культуры для развития его творческой деятельности.

Наконец еще один, не менее интересный аспект сравнительно-литературного изучения Пушкина связан с обратным влиянием. По словам Ю. М. Лотмана, творчество Пушкина «было тем поворотным пунктом, когда русская культура сделалась голосом, к которому вынужден был прислушаться весь культурный мир»¹⁵. Несмотря на то небольшое (особенно в сравнении с некоторыми другими европейскими странами) место, которое занимает творчество Пушкина в современной греческой литературе, вопрос об отзвуках и влиянии в Греции заслуживает пристального внимания.

Третий аспект касается восприятия творчества Пушкина в Греции. Единственной опубликованной в России работой на эту тему является статья И. Соколова¹⁶, в которой он попытался дать общее представление о первых переводах произведений великого поэта на греческий язык, и об их авторах. Более пристальный взгляд на эту тему можно найти в работах

---

¹³*Φαρσόλας Ι. Δημήτριος* Ο Αλέξανδρος Πούσκιν και η Ελληνική Επανάσταση 1821–1829 (Александр Пушкин и Греческая революция), Αθήνα: Φιλίστωρ, 2001.

¹⁴*Αυγητίδης Γ. Κώστας* Αλέξανδρος Πούσκιν, Ο φιλέλληνας βάρδος του Εικοσιένα (Александр Пушкин, филэллин, бард, воспевший Греческую революцию), Αθήνα: Σύγχρονη Εποχή, 2004.

¹⁵*Лотман Ю. М.* Пушкин. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 187.

¹⁶*Соколов И.* Пушкин в новогреческом переводе // Пушкин в мировой литературе: Сб. статей. Л.: Государственное издательство, 1926. С. 188–198.

С. Б. Ильинской¹⁷ и О. Александропулоса¹⁸. Книга С. Б. Ильинской представляет собой всеобъемлющую работу, посвященную проблеме перевода творчества Пушкина на греческий язык, критике этих переводов и вообще истории греческого пушкиноведения.

На протяжении всей истории межгосударственных отношений, связи между Россией и Грецией являлись обширными и по большей части стабильными. Они в основном опирались на духовную общность народов и их православное мировоззрение. В последние годы эти связи начали неуклонно развиваться, страны сблизилась, и вследствие этого между ними установились еще более тесные связи, прежде всего в сфере культуры. В результате этого и в рамках перекрестного года России и Греции появилась необходимость исследования этих культурных связей, в частности, в области литературы.

Актуальность данного диссертационного исследования определяется тем, что оно включает в себя круг вопросов, касающихся творчества национального поэта России, основоположника современного литературного русского языка. При том, что исследователи неоднократно затрагивали те или иные вопросы, связанные с интересом Пушкина к греческой литературе и истории, сколько-нибудь полные, обобщающие работы на эту тему отсутствуют. Кроме того, актуальность работы обусловлена ее оригинальностью, так как до настоящего времени никто специально не занимался темой влияния пушкинского творчества на греческую литературу.

Научная новизна работы заключается в выделении маркеров влияния именно древнегреческой культуры на творчество русского поэта (поскольку как правило, это влияние описывается в рамках античности в целом), а также

---

¹⁷*Ιλίνσκαγια Σόνια* Η Ρωσική Λογοτεχνία στην Ελλάδα 19^{ος} αιώνας (Русская литература в Греции XIX век). Αθήνα: Ελληνικά Γράμματα, 2006.

¹⁸*Αλεξανδροπουλος Ο.* Русские сюжеты на страницах греческих журналов XIX в. Александр Пушкин // Греческая культура в России XVII–XX вв. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 72–86.

в исследовании роли пушкинского творчества в греческом литературном процессе.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы и выводы в дальнейшем могут быть использованы в общих и специализированных учебных курсах.

Объектом исследования являются творчество и творческий облик Пушкина в современной греческой культуре. В качестве **предмета** исследования выступают произведения поэта, в которых отразилось влияние древнегреческой культуры, произведения, отражающие его интерес к современной Греции (Греческой революции) и образ Пушкина в современной греческой культуре.

Целью работы является исследование элементов греческой культуры и фактов из истории Греции в произведениях Пушкина, а также восприятия его творчества в Греции. Для ее достижения ставятся следующие задачи:

- 1) выделить элементы древнегреческой культуры в творчестве Пушкина;
- 2) отобрать примеры обращения поэта к древнегреческой культуре;
- 3) проанализировать отношение поэта к Греческой революции 1821 года;
- 4) рассмотреть произведения, посвященные Греческой революции;
- 5) исследовать восприятия творчества Пушкина греческой литературой и место, которое оно в ней занимает.

В работе применяются сравнительно-исторический, типологический, биографический **методы** и метод историко-культурного анализа.

Материалом для исследования являются произведения Пушкина, в которых отразилось влияние древнегреческой культуры и стихотворения русского поэта, отражающие его интерес к современной ему Греции, в частности, к Греческой революции.

В связи с обозначенными задачами представляется возможным разделить работу на три главы:

Первая глава будет посвящена исследованию влияния античности, а конкретнее, древнегреческой культуры в разные периоды пушкинского

творчества: в Лицее (1813–1817), в Петербурге (1817–1820), на Юге (1820–1826) и после Юга (1826–1837). В ней также будут рассмотрены примеры использования маркеров древнегреческой культуры в лирике поэта. В качестве примера отобраны наиболее характерные стихотворения – «Из Ксенофана Колофонского» и «Из Афиня», в которых ярко отражены маркеры древнегреческой культуры.

Во второй главе в центре нашего внимания будут интерес Пушкина к Греческой революции и его связи с революционерами, которые повлияли на формирование у него филэллинистических взглядов. В этой главе мы также обращаемся к следующим, посвященным Греческой революции стихотворениям: «Война», «Гречанка верная! не плачь – он пал героем...», «Восстань, о Греция, восстань» «Олегов щит» и «Опять увенчаны мы славой...».

В третьей главе мы предпримем попытку исследовать восприятие пушкинского творчества в Греции. Сначала дается обзор греческой критики пушкинского творчества, и оцениваются переводы произведений поэта на греческий язык. Затем рассматривается место, которое оно занимает в современной греческой культуре, и предпринята попытка объяснения сравнительно небольшого его влияния.

Гипотеза исследования заключается в том, что, древнегреческая культура оказала значительное влияние на творчество Пушкина, тогда как обратное влияние, творчества Пушкина на современную греческую литературу до недавнего времени было сравнительно небольшим.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной и цитируемой литературы.

Ссылки на произведения Пушкина даются по изданиям: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16; 1959. Т. 17: Справочный том (сокращенно: Акад.); *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб.: Наука, 1999. Т. 1; 2004. Т. 2, кн. 1; 2009. Т. 7; 2016. Т. 2, кн. 2 (сокращенно: АПСС).

ГЛАВА 1. ВЛИЯНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТВОРЧЕСТВО А. С. ПУШКИНА

1.1. Лицейские годы (1813–1817)

Античность и, в частности, античная литература, несомненно, всегда, занимала видное место в художественном сознании Пушкина, который «очень любил и высоко ценил античную литературу как с эстетической, так и с общекультурной точки зрения»¹⁹. Однако отношение Пушкина к культурному наследию древности не является какой-то постоянной величиной его творческого мира: пушкинские литературные ориентиры и приоритеты менялись и смещались на протяжении его жизни.

Увлечение античной литературой зародилось в Пушкина еще в детские годы. В его распоряжении была богатая отцовская библиотека, в которой помимо прочего имелись и произведения древнегреческой литературы (во французских переводах). Как отмечала сестра поэта О. С. Павлицева в своих воспоминаниях о детстве Пушкина, он «уже девяти лет любил читать Плутарха или “Илиаду” и “Одиссею” в переводе Битобе»²⁰. Следы чтения Плутарха можно отметить уже в одном из первых произведений Пушкина – поэме «Монах» (1813), где упомянута вскользь известная история об Архимеде, рассказанная в «Сравнительных жизнеописаниях»:

И, как мудрец, кем Сиракуз спасался,
По улице бежавший бос и гол,
Открытием своим он восхищался
И громко всем кричал: «Нашел! нашел!»
(АПСС. Т. 1. С. 20)

---

¹⁹Покровский М. М. Пушкин и античность // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Т. 4/5. С. 28.

²⁰А. С. Пушкин в воспоминаниях современников / Сост. и примеч. В. Э. Вацуро и др. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1. С. 45; см. также: *Αυγητίδης Γ. Κώστας. Αλέξανδρος Πούσκιν, Ο φιλέλληνας βάρδος του Εικοστένα* (Александр Пушкин, филэллин, бард, воспевший Греческую революцию). Αθήνα: Σύγχρονη Εποχή, 2004. Σελ. 17. Французский прозаический перевод «Илиады» и «Одиссеи» Поля Битобе (Bitaubé, 1732–1808) вышел двумя изданиями, в 1780–1785 и 1787–1788 гг.

«По всем признакам Пушкин, с детства начитанный во французской литературе, поступил в Лицей уже с симпатиями к античной, особенно римской литературе...», – замечал М. М. Покровский²¹. Но именно Царскосельский лицей дал Пушкину первые систематические представления об античной культуре. Обширные познания в античности профессора русской и латинской словесности Царскосельского лицея Николая Федоровича Кошанского (1784 или 1785 – 1831), которыми он щедро делился с лицеистами на своих лекциях, послужили на первых порах толчком к заинтересованности последних, и в частности Пушкина, античностью, а затем и к подражанию древним авторам. Как отмечает Д. П. Якубович, «Кошанский, был главным проводником античности в среду лицеистов», «вольно или невольно закладываявшим “краеугольный камень” в отношении Пушкина к античности»²².

В основе историко-культурных представлений Кошанского, выпускника Московского университета, преподавателя греческого и латинского языков в университетской гимназии, автора многих учебных пособий, лежала идеализированная картина древнего мира, «черты которого он хочет прививать русскому искусству и литературе...»²³. В своих ученых трудах он пытался сблизить современную ему литературу с античной, подчеркивая при этом, что для русских очень желательно уделять внимание греческой словесности, способной оказать влияние на русский язык²⁴. В 1811 г., в год своего поступления на службу в Царскосельский лицей и переезда в Петербург, Кошанский издал антологию «Цветы греческой поэзии», с содержанием которой лицеисты должны были быть хорошо знакомы, поскольку он ссылался на нее в своих лекциях. Книга, содержащая

---

²¹Покровский М. М. Пушкин и античность. С. 35.

²²Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 6. С. 97, 104.

²³Там же. С. 100.

²⁴Там же. С. 99. О Н. Ф. Кошанском см. подробнее: Русские писатели. 1800–1917: Биографич. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 116–117 (статья Н. Н. Зубкова); Любавин М. А. Лицейские учителя Пушкина и их книги. 2-е изд. СПб.: Сударыня, 2009. С. 77–114.

оригинальные тексты греческих авторов и их переводы, в первую очередь имела в виду читателя, хоть сколько-то знакомого с древнегреческим языком. Однако благодаря ей Пушкин имел возможность познакомиться с произведениями разных древнегреческих авторов, в частности, Биона, Мосха, Софокла, Гомера, и непосредственно соприкоснуться с античностью. В примечаниях Кошанского «упоминались имена Анакреона, Фесписа, Феокрита, Аристарха, Эсхила, Эврипида, Софокла и др., перечислялись и пояснялись античные понятия (керамик и др.), и образы мифов (паны, сатиры, силены, дриады, Стикс, Флегетон, Парки, Арион, Пирам и Физбе)...», а также «мифы об Арионе, Дедале, Прозерпине, Пигмалионе, Адонисе, нимфе Эхо, Орфее и Эвридике, Леде», к которым Пушкин впоследствии обращался в своих стихотворениях²⁵.

Во время службы в Лицее Кошанский готовил к изданию «Ручную книгу древней классической словесности» (СПб., 1816. Ч. 1; 1817. Ч. 2) – перевод немецкого руководства («Handbuch der klassischen Litteratur, Altertumstunde und Mythologie», 1783) И. И. Эшенбурга (Eschenburg, 1743—1820) и К. Ф. Крамера (Cramer, 1752—1807), по которому он в Лицее читал свой курс. Вероятные переключки с «Ручной книгой» встречаются и в лицейских, и в послелицейских произведениях Пушкина. Таково, например, изображение Пана в «Блаженстве» (1814):

Вдруг из глубины пещеры,
Чтитель Вакха и Венеры,
Резвых фавнов господин,
Выбежал Эрмиев сын.
Розами рога обвиты,
Плющ на черных волосах,
Козий мех, вином налитый,
У сатира на плечах.
Бог лесов, в дугу склонившись
Над искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушал песенки ночной,
В лад качая головой.

---

²⁵ Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 99.

Не исключено, что к «Ручной книге...» восходит и стих «Резвый наш Анакреон» в «Гробе Анакреона» (1815). Во всяком случае Кошанский упоминает о «резвой веселости» Анакреона²⁷. Из более поздних стихотворений можно назвать «Торжество Вакха» (1817 или 1818), изображающее триумфальное шествие Вакха после похода в Индию²⁸, или план и стихотворный набросок к замыслу об Актеоне (1822), соединяющий два греческих мифа — об Актеоне, превращенном Артемидой (Дианой) в оленя, и об Эндимионе, любовнике богини луны Селены²⁹.

Несомненно, Лицей сыграл ключевую роль в заинтересованности Пушкина античным миром, и даже не только своим учебным планом. Большое значение имело само окружающее пространство Царского Села, которое «широко встречало лицеистов образами древнего мира, конкретными воплощениями книжной мифологии в пластическом искусстве»³⁰. На Камероновой галерее стояли мраморные статуи и бюсты богов и героев, среди которых находились изображение греческих Сократа,

---

²⁶В «Ручной книге...» Пан, сын Гермеса («Эрмия»), определяется как «бог стад, лесов, полей и пастушеской жизни», «редко сие божество представляемо было в образе человеческом; обыкновенно имело вод *Сатира*: прямые, острые уши, малые рога, козьи ноги и все покрыто было шерстью» (Ручная книга древней классической словесности <...> собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., 1817. Ч. 2. С. 70–72). Сатиры же принадлежат, указывает Кошанский (см.: Там же. С. 97–98), к свите Вакха – отсюда у Пушкина мог появиться атрибут Вакха и вакхантов («плющ на черных волосах»). См.: АПСС. Т. 1. С. 596.

²⁷См.: Ручная книга древней классической словесности <...> собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., 1816. Ч. 1. С. 248; Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 101–102.

²⁸Указание, что в «Ручной книге...» «сосредоточено большинство реалий, имеющих и в пушкинском стихотворении», см.: АПСС. Т. 2, кн. 1. С. 505 (примеч. В. Э. Вацура).

²⁹Ср.: «...в лице Дианы поклонялись Луне, или богине Луны (*Selene, Luna*). Она покровительствовала также звериной ловле, которая с юных лет сделалась любимой ее забавой. <...> Диана получила <...> совершение обета своего остаться навсегда девою и соделалась богиней непорочности и невинной юности. Вот <...> вина превращения Актеона в оленя. Единственный из смертных, к которому она не могла быть равнодушна, был пастух или охотник Эндимион» (Ручная книга древней классической словесности <...> собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., 1817. Ч. 2. С. 39). См.: АПСС. Т. 2, кн. 2. С. 873 (примеч. Н. Л. Дмитриевой, Е. В. Кардаш).

³⁰Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 116.

Сапфо, Гиппократ, Александра Македонского, Антиноя и Фесписа, «в Царском Селе лицеистам были известны скульптурные группы “Дафна и Аполлон”, “Меркурий”, “Плутон и Прозерпина”, “Бахус на бочке”...»³¹. Немаловажную роль в восприятии античного мира играла живопись, гравюры и рисунки на античные сюжеты, связывавшие в сознании лицеистов древние сюжеты и персонажи с конкретными изобразительными ассоциациями³².

Другим немаловажным фактором, который надо учитывать при рассмотрении вопроса о роли античности для Пушкина, является эпоха, в которую он жил – эпоха классицизма и несомненного доминирования французской словесности. Как отмечал М. М. Покровский, русское образованное дворянство пушкинского времени «воспитывалось на французской литературе XVIII в., а XVIII век является <...> веком нового возрождения античности...»³³. Не владея греческим языком, Пушкин составлял себе представление о древнегреческих авторах преимущественно по французским переводам, а греческие темы и мифологические сюжеты входили в его поэзию через посредство французских авторов. Так, например, стихотворение «Леда» (1814) написано на тему популярного во французской литературе XVIII в. античного мифа о Леде, жене лакедемонского царя Тиндарея, соблазненной Зевсом в образе лебедя, и композиционно ориентировано в первую очередь на французскую жанровую форму кантаты (в частности, кантат Ж.-Б. Руссо (Rousseau, 1670–1741). «Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало» (1814) – первое пушкинское обращение к эпиграммам Палатинской антологии, на самом деле является переводом эпиграммы Вольтера, входившей в его цикл «Эпиграммы в подражание греческой антологии» («*Epigrammes imitées de l’anthologie grecque*»)³⁴. К

---

³¹Там же. С. 117–118.

³²См.: Там же. С. 118.

³³Покровский М. М. Пушкин и античность. С. 30.

³⁴Источник – эпиграмма Платона (427–347 до н. э.) из Палатинской антологии (VI, 1). Об истории пушкинского перевода см.: АПСС. Т. 1. С. 593–594.

Вольтеру же восходит, например, и ироническая характеристика Гомера в «Бове» (1814) — «болтун страны Эллинския»³⁵.

Несмотря на то, что «античность владела душой лицейского поэта через французский классицизм <...> сквозь призму французских учебных пособий и антологическую поэтику самих французских поэтов...»³⁶, нельзя не учитывать роль самой русской литературы и русских современников Пушкина в сближении поэта с древностью. Множеству русских авторов, на произведениях которых вырос Пушкин и на творчество которых опирался — М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, А. Х. Востоков, И. И. Дмитриев, А. Ф. Мерзляков, Н. М. Карамзин, В. Л. Пушкина, Н. И. Гнедич, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, Д. В. Давыдов и др., — удалось создать русское представление об античности. Русский литературный «образ античности» складывался из подражаний древним авторам или перевода их произведений³⁷.

Русские авторы, в частности, оказали большое влияние на развитие анакреонтической поэзии в творчестве Пушкина. Общие мотивы русской анакреонтики получили отражение в стихотворениях «Гроб Анакреона» (1815) и «Фиал Анакреона» (1816). К Державину, например, восходит формула «певец Тиисский» («К Б<атюшк>ову», 1814) применительно к Анакреону³⁸. «Анакреонтические песни» (СПб., 1804) Державина и подражания Ломоносова, Гнедича, Жуковского, тщательные переводы Анакреона Н. А. Львова и И. И. Мартынова, по замечанию Д. П. Якубовича, «давали возможность и без французского посредничества прикоснуться к интересной для Пушкина-лицейста тематике, нашедшей столь широкое отражение и в его собственных стихах этой поры и по-новому в годы его зрелости»³⁹.

---

³⁵См.: АПСС. Т. 1. С. 604.

³⁶Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 94.

³⁷Исчерпывающий перечень см. в указателе Е. В. Свиясова «Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.» (СПб., 1998).

³⁸См.: АПСС. Т. 1. С. 599.

³⁹Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 109.

Греческий язык, однако, не входил в учебную программу Лицея. Знания русского поэта в области греческой истории и греческой драмы, видимо, не превышали среднего уровня⁴⁰. В области античной философии, он, отчасти благодаря лицейским лекциям А. П. Куницына, был осведомлен больше и, по мнению М. М. Покровского, имел «вполне определенное представление о Платоне и о гедонистах Аристиппе и Эпикуре, о циниках и о стоиках»⁴¹. Пушкин, развивая в шутовом «Послании Лиде» (1816) тему противопоставления киников и стоиков «мудрой вере Анакреонов и Нинон», свободно играет именами греческих философов – Аристиппа (род. ок. 435 до н. э.), основателя киренской школы, проповедника этики гедонизма; Платона; Зенона (ок. 336–264 до н. э.), основателя школы стоиков; Сократа (469–399 до н. э.) с его учением о добродетели; Диогена Синопского (ок. 462–323 до н. э.), представителя кинической школы («злой Циник»):

Нам проповедуют закон
И Аристипов, и Глицеры...
Презрев Платоновы химеры
Твоей я святостью спасен...
Я вижу: хмурится Зенон
И вся его седая свита...
Люблю я доброго Сократа!
Он в мире жил, он был умен;
С своею важностью притворной
Любил пиры, театры, жен...
Злой Циник, негу презирая,
Один, всех радостей лишен,
Дышал, от мира отлучен.
Но, с бочкой странствуя пустою
Вослед за Мудростью слетою,
Пустой чудак был ослеплен...

(АПСС. Т. 1. С. 218–219)

---

⁴⁰Можно указать только упоминание имени Еврипида в стихотворении «Городок. (К ***))» (1815).

⁴¹Покровский М. М. Пушкин и античность. С. 30.

Впрочем, и здесь как сама тема, так и детали ее разработки восходят в первую очередь к французской словесности – «Оде II господину аббату Куртэну» («Ode II. A M. L'abbé Courtin», 1707–1710) Ж.-Б. Руссо.

Лицейские стихотворения Пушкина 1813–1817 годов изобилуют именами древнегреческих исторических лиц (кроме уже называвшихся, Гиппократ, Демосфен, Демокрит и др.), именами, почерпнутыми из греческой мифологии (Аполлон / Феб, Эрот, Вакх, Афродита / Киприда, Зевс, Морфей и др.), греческими топонимами (Парнас, Пинд, Геликон). Самым популярным существом древнегреческой мифологии оказывается Пегас, в отдельных случаях упоминаются музы (Мельпомена, Эрато) и мойры (Клофо). Вместе с тем, как неоднократно отмечалось исследователями, пушкинский набор имен очень традиционен, а характеристики, которые поэт дает историческим деятелям, в большинстве случаев совершенно поверхностны и не свидетельствуют о глубоком знании Пушкиным их жизни и деятельности. Что касается мифологии и топонимики, то «Пушкин-лицеист воспроизводит механически всю эту обязательную номенклатуру, мало задумываясь над ней...»⁴². Что касается греческой мифологии и топонимики, то в лицейских стихах Пушкина она не выходит за рамки условного поэтического языка XVIII – начала XIX в. и представляет собой «только сигналы стиля, лишь обязательный язык, взамен еще не найденного собственного, одни декорации, на фоне которых начинает, однако мало-помалу разыгрываться собственное действие»⁴³.

Ситуация начала меняться по выходе Пушкина из Лицея.

1.2. Петербург (1817–1820)

После Лицея наступает новый период в жизни и творчестве Пушкина – Петербургский, во время которого, помимо прочего, меняется и отношение

---

⁴²Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 121.

⁴³Там же. См. также: Кнабе Г. С. Античная литература // Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18–19: Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 25.

поэта к античности и ее атрибутам. Как отмечает Д. П. Якубович, «в годы, непосредственно следующие за Лицеем (с июня 1817 г. по 1819 г. включительно), в произведениях Пушкина замечается убыль античных мотивов и античной терминологии»⁴⁴. Количество имён, относящихся к древности и отсылок к самим мифам, значительно уменьшается. В большинстве случаев они, как и в лицейский период, выступают в роли своего рода мифологических и культурных клише, знаками поэтического стиля эпохи⁴⁵. Однако на фоне этой общей тенденции выделяются случаи внимательного и «осознанного» обращения к древней поэзии. Таково стихотворение «Торжество Вакха» (1818), редкий в поэзии Пушкина пример обращения к жанру античного дифирамба на распространенный в древних и новых искусствае и литературе сюжет – триумфальное шествие Вакха после похода в Индию⁴⁶.

Приближению Пушкина к античности, в частности к древнегреческой культуре, изменению отношения к ней и ее новому пониманию, несомненно, много способствовало его знакомство с Алексеем Николаевичем Олениным (1764–1843), статс-секретарем Государственного совета, президентом Академии художеств, директором Публичной библиотеки, «одним из ведущих <...> археологов начала XIX века»⁴⁷, историком и крупным знатоком античного мира. Дом Оленина Пушкин начал часто посещать после выхода из Лицея и стал там своим человеком, участвовавшим в домашних праздниках и развлечениях⁴⁸. Литературно-художественный салон Олениных

---

⁴⁴Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 125.

⁴⁵Например, имена Приапа, Киприды, Эпиктета и Зевса в стихотворениях 1819 г. «К Энгельгардту», «К Щербинину», «Стансы Толстому».

⁴⁶Поздний античный миф, возникший как отражение похода Александра Македонского, которого в некоторых местностях отождествляли с Вакхом-Дионисом. Подробнее об источниках стихотворения, в числе которых была и «Ручная книга древней классической словесности» Н. Ф. Кошанского, см.: АПСС. Т. 2, кн. 1. С. 505–507 (примеч. В. Э. Вацура).

⁴⁷Формозов А. А. Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М: Языки рус. культуры, 2000. С. 17.

⁴⁸2 мая 1819 г. датировано шуточное стихотворение «Баллада» («Что ты, девица, грустна...»), сочиненное совместно Пушкиным и В. А. Жуковским для розыгрыша шарады

объединял литераторов разных поколений и разных эстетических ориентаций, Пушкин встречался здесь и со своими старшими друзьями-«арзамасцами» (В. А. Жуковским, А. И. Тургеневым, С. С. Уваровым), и с сослуживцами Оленина по Публичной библиотеке Н. И. Гнедичем и И. А. Крыловым, и с будущим декабристом М. П. Бестужевым-Рюминым⁴⁹. В более тесном Оленинском «кружке», составлявшем ядро пестрого общества его салона, вопросы классической древности стояли на первом плане. А. Н. Оленин, Н. И. Гнедич, С. С. Уваров прекрасно владели греческим языком, живо интересовались древней и современной Грецией. Собственно художественные проекты А. Н. Оленина, в частности театральные, способствовали приобщению светского общества к античной культуре. Он, например, разработал эскизы костюмов и декораций к постановке трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах», где одну из своих лучших трагических ролей (Антигону) исполняла пушкинская любимая актриса Е. С. Семенова. «В спектакле “Эдип в Афинах”, – отмечает современный исследователь, – перед русским зрителем в новом свете предстал мир Древней Греции, воссозданный на сцене по последнему слову археологической науки»⁵⁰.

В центральном произведении Пушкина петербургского периода 1817–1820 гг., поэме «Руслан и Людмила» Д. П. Якубович видит свидетельство ослабления пушкинского интереса к древности⁵¹. Заметим, однако, что художественные поиски Пушкина в области «большой формы», противостоящей классицистической эпической поэме, в определенном смысле соотносились с интересами оленинского кружка. Изучением древней

в день рождения жены Оленина Елизаветы Марковны, по обыкновению праздновавшийся в имении Приютино под Петербургом.

⁴⁹См.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Изд. 2-е, доп. и перераб. Л.: Наука, 1988. С. 304.

⁵⁰*Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин: Опыт научной биографии. СПб.: РНБ, 2006. С. 211–212.

⁵¹См.: *Якубович Д. П.* Античность в творчестве Пушкина. С. 126. Исследователь отмечает лишь несколько отсылок к античности, причем вполне поверхностных, не несущих смысловой нагрузки: упоминание Амура, Гимена и Фидия и характеристику Жуковского как «северного Орфея». Все они при этом находятся в авторских отступлениях.

Греции и представлением о тесной связи между греческой и русской культурами, существовавшим у членов оленинского кружка, было обусловлено их пристальное внимание к памятникам древней русской истории и словесности⁵². Им, несомненно, должна была импонировать поэма на русском историческом (хотя бы и полусказочном) материале.

С идеей культурного родства и преемственности России и Греции связана также пропагандировавшаяся в оленинском кругу разработка античных жанров и метрики на русской почве. И здесь на первый план выходит дискуссия о русском гекзаметре, свидетелем заключительного этапа которой явился молодой Пушкин.

В доме А. Н. Оленина Пушкин имел возможность близко сойтись и регулярно общаться с Н. И. Гнедичем, работа которого над переводом «Илиады» широко обсуждалась в оленинском кругу. Перевод Н. И. Гнедича имел первостепенное значение для усвоения русским культурным сознанием произведений древнегреческой литературы, и отчасти способствовал смещению внимания с римской античности на греческую. Об определенной заинтересованности Пушкина Элладой свидетельствуют «неоднократные упоминания Пушкиным Гомера именно в эту пору»⁵³.

Н. И. Гнедич приступил к переводу «Илиады» Гомера в 1807 году, продолжая труд Е. И. Кострова, успевшего перевести первые шесть песен. Немаловажный вклад в эту работу, особенно на первых этапах, внесли А. Н. Оленин и С. С. Уваров, которые «помогли ему специальными

---

⁵²«Почитатель Винкельмана и Гердера, выходец из львовско-державинского кружка, Оленин сходилась с шишковистами в интересе к проблеме народности, стремлении противопоставить национальную самобытность идеалу универсалистской культуры, ориентированной на французские образцы. Однако корни русской народности виделись ему не в церковнославянской языковой стихии, фольклоре, национальных традициях и обрядах, но в исторической связи России и Древней Греции, непосредственной преемственности русской культуры по отношению к греческой античности» (Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 255).

⁵³Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 129.

исследованиями по языку и археологии»⁵⁴. Как отмечает А. Н. Егунов, «благодаря Оленину Гнедич, и сам рывшийся в литературе по Гомеру, получал нужные справки, иногда сопровождавшиеся и почти профессиональными рисунками Оленина»⁵⁵. Идя по стопам Е. И. Кострова, Н. И. Гнедич начал переводить Илиаду александрийским стихом – традиционным размером классицистической героической эпопеи. Это решение спустя несколько лет, когда было переведено уже шесть песен, вызвало возражения С. С. Уварова, обратившегося к переводчику с открытым письмом.

В своем «Письме к Н. И. Гнедичу о греческом экзаметре»⁵⁶ С. С. Уваров признавал несомненные достоинства труда Н. И. Гнедича, но красноречиво возражал против александрийского стиха, приводя аргументы в превосходство над ним гекзаметра. В связи с этим С. С. Уваров пишет: «Возможно ли узнать экзаметр Омера, когда, сжавши его в александрийский стих и оставляя одну мысль, вы отбрасываете размер, оборот, расположение слов, эпитеты, одним словом, все, что составляет красоту подлинника? Когда, вместо плавного, величественного экзаметра, я слышу скудный и сухой александрийский стих, рифмою прикрашенный, то мне кажется, что я вижу божественного Ахиллеса во французском платье»⁵⁷. С. С. Уваров, в сущности, предлагал Н. И. Гнедичу приблизиться к форме оригинала, отказавшись от неоклассической формы французских переводов. В том же году он писал в дружеском письме к В. А. Жуковскому: «...Кто хочет переводить древних, тот должен непременно следовать их формам»⁵⁸.

В значительной степени под влиянием мнения С. С. Уварова, впрочем, встретившего горячую поддержку в оленинском кругу, Н. И. Гнедич

---

⁵⁴История греческой литературы Т. 1. Эпос. Лирика. Драма классического периода / Под ред. С. И. Соболевского, Б. В. Горнунга, С. Г. Гринберга и др. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 147.

⁵⁵Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.;Л., 1964. С. 171.

⁵⁶См.: Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1813. Чт. 13. С. 56–68.

⁵⁷Уваров С. С. Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзаметре // Арзамас. Сборник. М.: Худож. лит., 1994. Кн. 2. С. 82.

⁵⁸Русский архив. 1871. № 2. Стб. 0161.

принялся за гекзаметрический перевод. В предисловии к полному переводу «Илиады», вышедшему в свет в 1829 г., он писал: «Кончив шесть песен, я убедился опытом, что перевод Гомера, как я его разумею, в стихах александрийских невозможен, по крайней мере для меня; что остается для этого один способ, лучший и вернейший — гекзаметр. Плененный образом повествования Гомерова, которого прелесть нераздельна с формою стиха, я начал испытывать, нет ли возможности произвести русским гекзаметром впечатление, какое получил я, читая греческий. Люди образованные одобрили мой опыт, и вот что дало мне смелость отвязать от позорного столба стих Гомера и Virgiliya, прикованный к нему Тредьяковским»⁵⁹.

Представляется существенным отметить, что полемика о стихе героической эпопеи не ограничилась узким вопросом о выборе более подходящего размера. С одной стороны, «речь шла о способах усвоения “подлинной” античности как средства формирования самобытного поэтического стиля. Громадное историко-литературное значение гекзаметрического перевода “Илиады” заключается, прежде всего, в том, что этот перевод открывал перед русскими поэтами новые и широкие творческие перспективы в направлении выработки более свободных стиховых форм»⁶⁰. С другой стороны, «технический» вопрос стихосложения дал повод к более широким декларациям: «выбор стиха стал знаком новой культурной ориентации и переводчика “Илиады”, и его единомышленников»⁶¹.

М. Л. Майофис справедливо отмечает преемственность С. С. Уварова по отношению к выдвинутым И. Г. Гердером аутентичной передачи духа каждой национальной литературы⁶². Для Н. И. Гнедича и А. Н. Оленина проблема стояла шире: речь шла о программе своего рода «эллинизации»

---

⁵⁹Гнедич Н. И. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1956. С. 318 (Б-ка поэта; Большая сер.).

⁶⁰Кукулевич А. М., Орлов В. Н. Гнедич // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т лит. (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 5, Ч. 1. С. 425.

⁶¹Майофис М. Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое лит. обозрение, 2008. С. 375.

⁶²См.: Там же. С. 381.

русской культуры, отказа от ее французской ориентации (что было актуально еще и на волне послевоенных антифранцузских настроений). 2 января 1814 г. на торжественном заседании по случаю открытия Публичной библиотеки Н. И. Гнедич зачитал свое «Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности», где заявлялось: «Одним словом, если б поэзия и красноречие древних служили образцами для нашей словесности, хотя с прошлого века, мы не бряцали б великолепных од своих на готических лирах, не основывали б своей эпопеи на скудном знании поэмы французской, не делали б нашего театра зрелищем одних любовных приключений...»⁶³.

Мнение о необходимости изучения древней словесности разделялось и арзамасцами. Еще ранее Н. И. Гнедича его публично высказал Д. В. Дашков в статье «Нечто о журналах»: «Множество прекраснейших книг на греческом и латинском языках образуют вкус читателя, подавая ему вместе и правила и примеры. Ученые и художники найдут в них обильную пищу для рассудка и воображения, а искусный журналист – пространное поле для сравнения новейшей словесности с древнею. Не должно думать, чтобы мы во всем превзошли греков и римлян: мы во многом еще остались позади их»⁶⁴.

При отсутствии в русском языке долгих и кратких слогов русский гекзаметр не мог быть полным аналогом греческого. Возможность самого существования гекзаметра на русской почве стала предметом обсуждения в 1817–1818 гг. В печати появились мнения как противников имитации греческого размера (А. Х. Востоков⁶⁵, Д. Самсонов, В. Соц, А. Ф. Мерзляков), так и его защитников (В. К. Кюхельбекер, И. Давыдов)⁶⁶. С пространными «Замечаниями на “Опыт о русском стихосложении” г-на В<остокова> и нечто о прозодии древних» выступил на страницах «Вестника

---

⁶³Цит. по: *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе. С. 379.

⁶⁴Санкт-Петербургский вестник. 1812. № 1. Цит. по: Арзамас. Кн. 2. С. 82.

⁶⁵Востоков утверждал невозможность существования полноценного гекзаметра в русском стихе. Однако еще в первом издании своего «Опыта о русском стихосложении» в 1812 г. он же дал схему 16 вариантов русского гекзаметра.

⁶⁶Аналитический разбор этого этапа полемики о гекзаметре см., например: *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе. С. 415–429.

Европы» Н. И. Гнедич⁶⁷, утверждавший «соприродность» русского и греческого языков. Пушкин неизбежно должен был оказаться в кругу этого спора, и по знакомству с Н. И. Гнедичем, и потому, что гекзаметр культивировался в «Арзамасе», в первую очередь поэтическим учителем Пушкина – Жуковским.

Первым опытом Жуковского с гекзаметром стал отрывок «Аббадона» – перевод отрывка из поэмы Ф. Г. Клопштока (Klopstock, 1724–1803) «Мессиада» («Messias»), заверченный в 1814 г. За ним в 1816 г. последовали переводы из И. П. Гебеля (Hebel, 1760–1826) – «Овсяный кисель» («Das Habermus») и «Красный карбункул» («Der Karfunkel», 1801). В эти годы, Жуковский, как видим, использует гекзаметр не для переводов с древних языков, а как античный размер, усвоенный новой европейской литературой. Гекзаметр для него является одним из возможных путей обновления русской поэзии, и он экспериментирует с разными возможностями античного метра. Так, в написанных гекзаметрами протоколах «арзамасских» заседаний испытывается возможность его иронического снижения⁶⁸.

Пушкин в спорах вокруг гекзаметра участия не принимал. Можно предполагать, что отношение его к этому размеру на русской почве в петербургские годы было достаточно настроженным. Известен рассказ пушкинского петербургского приятеля Я. Н. Толстого об одном из заседаний литературно-театрального общества «Зеленая лампа» в 1819 г.: «Однажды Гнедич читал отрывки из перевода его “Илиады”. В некоторых местах замечали мы шероховатость. Пушкин морщился и зевал. Гнедич, подошел к нему, сказал: “Укажите мне, А. С., на те стихи, которые вам не нравятся”. –

---

⁶⁷Вестник Европы. 1818. Ч. 99, № 10. С. 99–146; № 11. С. 187–221.

⁶⁸См. позднейшую оценку гекзаметров Жуковского в письме П. А. Плетнева к Я. К. Гроту от 2 апреля 1841 г.: Жуковский писал и пишет размером древних по чутью, не учась <...>. Несмотря на эту неправильность, чтение стихов его, в которых теория подмечает явные ошибки, поэтическому уху и эстетическому вкусу гораздо более нравятся, нежели Мерзлякова и прочих ученых, знавших всю подноготную о древнем мире» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1. С. 299).

Пушкин отказывался; Гнедич настаивал, и тогда Пушкин произнес следующий экспромт:

С тобою в спор я не вступаю,
Что жесткое в стихах твоих встречаю;
Я руку наложил,
Погладил – занозил»⁶⁹.

Обращение самого Пушкина к гекзаметру произошло только спустя несколько лет – в южном незавершенном стихотворении «Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...».

По-видимому, к 1818 г. относится незавершенный перевод второй оды Сапфо (конец VII – начало VI в. до н. э.), до нас полностью не дошедший и скорее всего незавершенный – «К ***» («Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный...»). Вряд ли, тем не менее, он свидетельствует о специальном интересе к греческой поэтессе. Эта ода получила широкую известность, как во французской, так и в русской поэзии благодаря переводу Н. Буало (Voileau-Despréaux, 1636—1711), первые строки которого Пушкин и варьирует, и была очень популярна, в частности, и в России⁷⁰.

«К собственно антологической поэзии <...> облаченной в формы стихотворной культуры нового времени – александрийского стиха, а также четырех- и шестистопного ямба с перекрестной охватной рифмовкой, Пушкин впервые обратился в конце 1810-х – начале 1820-х годов»⁷¹. Этапным событием на этом пути стало появление брошюры К. Н. Батюшкова и С. С. Уварова «О греческой антологии», вышедшей в свет в 1820 г., но с содержанием которой Пушкин был знаком еще до ее печати⁷². Книга включала статью С. С. Уварова и двенадцать греческих антологических

---

⁶⁹Современник. 1857. Т. 62, № 4. Отд. V. С. 267; АПСС. Т. 2, кн. 1. С. 120 и 697 (примеч. С. В. Денисенко).

⁷⁰См.: Томашевский Б. В. Заметки о Пушкине // Пушкин и его современники. Пб., 1923. Вып. 36. С. 78–79. Пушкинскому переложению предшествовало более двух десятков второй оды Сапфо, см.: Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв. С. 79–80; см. также: АПСС. Т. 2, кн. 1. С. 551–552 (примеч. М. Н. Виролайнен).

⁷¹Кибальник С. А. Античная поэзия в России. XVIII – первая половина XIX века: Очерки. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. С. 303.

⁷²7 апреля 1818 г. Уваров в присутствии Пушкина читал «О греческой антологии» в собрании «Арзамаса», см.: АПСС. Т. 2, кн. 1. С. 659.

стихотворений в переводах К. Н. Батюшкова на русский, С. С. Уварова – на французский. В своей статье С. С. Уваров подчеркивал историко-культурную значимость состоящей из мелких стихотворений греческой антологии: «Если все, что означает нравственное бытие народа, занимавшего первое место в мире, имеет право на наше любопытство, то Антология должна почитаться драгоценнейшим памятником»⁷³. Как отмечает В. Б. Сандомирская, «опыт Батюшкова позволил Пушкину отказаться в своих подражаниях древним от воспроизведения принятого в античных эпиграммах размера — элегического дистиха, которым писаны все эпиграммы древних»⁷⁴.

Несомненное влияние переводов Батюшкова чувствуется в двух написанных в конце 1819 или начале 1820 г. стихотворениях Пушкина – первых из ряда антологических стихотворений, составивших в сборнике 1826 г. раздел «Подражания древним»:

ДОРИДЕ

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Все непритворно в ней: желаний томный жар,
Стыдливость робкая, харит бесценный дар,
Нарядов и речей приятная небрежность
И ласковых имен младенческая нежность.

ДОРИДА

В Дориде нравятся и локоны золотые,
И бледное лицо, и очи голубые.
Вчера, друзей моих оставя пир ночной,
В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами сменялись,
Желанья гасли вдруг и снова разгорались;
Я таял; но среди неверной темноты
Другие милые мне виделись черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.⁷⁵

(АПСС. Т. 2, кн. 1. С. 70, 66)

⁷³Уваров С. С., Батюшков К. Н. О греческой антологии // Арзамас. Кн. 2. С. 101.

⁷⁴Сандомирская В. Б. Из истории пушкинского цикла «Подражания древним»: (Пушкин и Батюшков). С. 28.

⁷⁵АПСС. Т. 2, кн. 1. С. 70.

В этих стихотворениях «появляется антологическая пластика, эвфония, синтаксические конструкции, свойственные антологической лирике»⁷⁶. Помимо этого, в «Дориде» впервые встречается александрийский стих, который Пушкин нередко будет использовать в будущем именно в антологическом роде. Как отмечает Д. П. Якубович, «в обеих “Доридах” – шестистишии и девятистишии – у Пушкина впервые появляются чисто греческая пластика, напоминающая о спокойной скульптуре и строгой живописи, афористические стихи...»⁷⁷. Кроме переводов К. Н. Батюшкова стихотворение «Дориде» содержит реминисценцию, обозначающую еще одно, новое литературное впечатление. Стих «И ласковых имен младенческая нежность» восходит к элегии «S'ils n'ont point le bonheur, en est-il sur la terre!..» Андре Шенье (Chénier, 1762–1794)⁷⁸, поэзией которого Пушкин будет особенно увлечен в 1820–1821 гг.

«Начиная с 1820 г. отношение Пушкина к античности получает новое направление, он начинает понимать ее по-новому, глубже, серьезнее, органичнее, чем раньше»⁷⁹. С именем Андре Шенье будет связан следующий этап усвоения Пушкиным духа и форм греческой поэзии.

1.3. Юг (1820–1826)

Пушкин начинает по-новому и более глубоко осознавать античность и ее атрибуты во время южной ссылки. К этому привел ряд факторов, одним из которых является начавшееся еще в Петербурге знакомство русского поэта с творчеством глубокого ценителя древней Греции, Андре Шенье. Как отмечает В. Б. Сандомирская, «в этот период обращение к творчеству Шенье оказалось очень значительным для Пушкина, повлияв как на характер его

---

⁷⁶Там же С. 613.

⁷⁷Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 130.

⁷⁸У Шенье: «Et des mots caressants la mollesse enfantine» («И ласковых слов детская мягкость» — фр.).

⁷⁹Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 128.

поэтических замыслов, так и на развитие его как художника»⁸⁰. В своем письме к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 г. Пушкин пишет о Шенье: «Никто более меня не уважает, не любит этого поэта, но он истинный грек, из классиков классик. C'est un imitateur savant et inspiré. От него так и пышет Феокритом и Анфологиєю»⁸¹.

Творчество “ истинного грека”, учитывая тот факт, что Пушкин не знал греческого языка, послужило первым источником знакомства русского поэта с истинной поэзией древних греков. Как отмечает Д. П. Якубович, «Шенье, воспитанный на конкретных обращениях к поэтическим созданиям древнего мира, поэт, на всем своем творчестве носивший отпечаток живого, а не „псевдоклассического“ устремления к античности, неоклассик, разорвавший оковы условного стиля, был и для Пушкина символом раскрепощения от этого стиля»⁸². Под влиянием Шенье Пушкин впервые интересовался Феокритом и поэтическом жанром, которым древнегреческий поэт был известен, идиллией. Значительное влияние творчества Шенье на творчество Пушкина особенно отражено не только в антологических стихотворениях поэта, но и в переводах Пушкина из Шенье.

Первую попытку перевода Пушкина из Шенье можно обнаружить в периоде южной ссылки. Более конкретно, в 1823 г. Пушкин приступил к переводу первых двадцати пяти стихов идиллии Шенье «L'Aveugle», который остался незаконченным и в черновом варианте. Речь идет об идиллии на античную тему, в центре внимания которой лежит миф о слепом Гомере, который «заинтересовал Пушкина в эти годы у Шенье не только самим образом поэта-слепца, принятого пастухами за бога, но и возможностью именно на этом сюжете полемизировать с защитниками русского александрийского стиха»⁸³. Перевод «Слепца» представляет особый

---

⁸⁰Сандомирская В. Б. Переводы и переложения Пушкина из А. Шенье // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. Т. 8. С. 90.

⁸¹Акад. Т. 13. С. 74.

⁸²Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 129.

⁸³Там же. С. 148.

интерес в области стилистики, поскольку явился «не только опытом передачи французского александрийского стиха русским гекзаметром, но и первым опытом изучения русского гекзаметрического стиха, свойства которого – выразительность, богатство и разнообразие – вызвали восхищение поэта»⁸⁴.

По мнению Г. Д. Владимирского⁸⁵, к числу вольных пушкинских переводов из Шенье, можно отнести стихотворение «Муза» (1821), которое входит в число антологических эпиграмм Пушкина. Оно по жанру является идиллией и в нем отражено влияние Шенье, в особенности «в пластичности образов, безупречности стиховой формы и гармонизации стиха...»⁸⁶. В. С. Соловьев придерживается точки зрения о том, что в «Музе» Пушкин «брал у Шенье и содержание вместе с формой»⁸⁷. Представляется существенным отметить, что как у Шенье, так и у других французских авторов, у которых Пушкин заимствовал элементы стиля и содержания, отсутствуют специфические связи с античностью. При этом упомянутые Пушкиным в стихотворении «семиствольная цевница», «гимны важные, внушенные богами», «песни мирные фригийских пастухов», «божественное дыхание» а также сама «Муза» в названии стихотворении, отсылают читателя к древним миром.

Как отмечает Д. П. Якубович, «Муза» представляет собой «первую попытку создания мифа в мировоззрительно античном роде, не говоря уже о всем тончайшем колорите, имитирующем гармонический тон древней идиллии»⁸⁸. Становится ясным, что в сознании Пушкина «понятие классической гармонии продолжало ассоциироваться у него с подражаниями

---

⁸⁴Сандомирская В. Б. Переводы и переложения Пушкина из А. Шенье. С. 90.

⁸⁵См.: Владимирский Г. Д. Пушкин-переводчик // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Вып. 4/5. С. 318.

⁸⁶АПСС. Т. 2, кн. 2. С. 545.

⁸⁷Соловьев В. С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 55.

⁸⁸Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 136.

древним русских поэтов»⁸⁹. В связи с этим Пушкин объявил, что стихи «Музы» «отзываются стихами Батюшкова»⁹⁰.

Наряду с «Музой», в пушкинском цикле «Эпиграммы во вкусе древних» входят следующие, относящиеся к периоду южной ссылке, стихотворения: «Нереида» («Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...»), «Элегия» («Редет облаков летучая гряда...»), «Земля и море», «Красавица перед зеркалом», «Дева», «Дионея», «Приметы», «Ночь» и «Юноша» («Сафо»). Представляется важным отметить, что образцом для создания стихотворений этого цикла послужила антологическая поэзия Шенье».

Так в частности в стихотворении «Нереида» прослеживаются следы влияния поэзии Шенье, поскольку оно «перекликается с эклогой “Je sais, quand le midi leur fait désirer l’ombre...”», напечатанной в издании Шенье 1819 г. как шестой фрагмент идиллий...⁹¹». Само название стихотворения служит отсылкой к греческой мифологии и к Нереидам, нимфам которые, как правило, олицетворяли морскую стихию. «Вероятно, в основе пушкинского описания лежит цикл греческих эпиграмм из так называемой “Антологии Плануда” (составляет 16-ю книгу Палатинской антологии), в которых дается экфрасис картины Апеллеса «Афродита Анадиомена» (Ἐφροδίτη Ἀναδιόμηνη) – всплывающая, поднимающаяся (из воды)»⁹².

Однако, в отличие от Шенье, Пушкин создал картину и соответственно стихотворение более близко к античному миру. «Образ Пушкина<...>совершенно реалистичен: реальная девушка купается в зеленых волнах Тавриды, и только нарочито взвешенная архаичность пушкинской лексики („лобзающих“, „дерев“, „младую“, „воздымала“, „власов“) в соединении со словами „Нереиду“ и „полубогиня“ дает налет пластического античного спокойствия, уже сам по себе в корне отличающий

---

⁸⁹Там же

⁹⁰АПСС. Т. 2, кн. 2. С. 546.

⁹¹Там же С. 532.

⁹²Там же

пушкинский образ от образа Парни»⁹³. В «Нереиде» замечается новое отношение Пушкина к античности. В отличие от первых лет, когда он просто брал слова из мифологии, особо не вникая в их смысл, Пушкин в эту пору начинает использовать глубокие, и серьезно разработаны в античной мифологии, образы.

Под общим заглавием «Эпиграммы во вкусе древних» находится стихотворение «Редает облаков летучая гряда...». По жанру оно является элегией, которая, хотя и написана в антологической манере, «вовсе освобождена от мифологической номенклатуры и даже от налета архаики...»⁹⁴. В «Элегии» можно обнаружить явные отсылки к произведениям древнегреческой литературы. Более конкретно, как отмечает А. С. Кибальник, «обращение у Пушкина к вечерней звезде, Гесперу<...>, вызывает в памяти аналогичные мотивы в Греческой Антологии (в качестве примера можно привести эпиграммы Платона Астеру, в которых обыгрывается значение этого имени: “звезда”, – AP, VII, 669 и 670)»⁹⁵.

Наряду с этим, обращение к Гесперу можно найти в идиллии греческого поэта Биона, с которой Пушкин был знаком еще в Лицее, поскольку она была размещена в «Цветах греческой поэзии» в переводе Н. Ф. Кошанского. Особый интерес вызывает тот факт, что «Пушкин в своем обращении к вечерней звезде сохранил нагнетательное повторение слова звезда, замененное в переводе Кошанского двойным повторением слова “приветствую”, но имевшееся в оригинале...»⁹⁶. Принимая во внимание тот факт, что Пушкин не знал греческого языка, двойное обращение к Гесперу можно объяснить наличием прозаического пересказа, который сопровождал перевод. При этом, ключевую роль в обращении Пушкина, хотя бы непосредственно, к древнегреческой литературе сыграл «перевод идиллии

---

⁹³ Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 131.

⁹⁴ Там же. С. 132.

⁹⁵ Кибальник С. А. Античная поэзия в России. XVIII – первая половина XIX века. С. 311.

⁹⁶ Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 132.

Биона, выполненный А. Шенье и напечатанный в его издании 1819 г. как “Элегия XIII, подражание идиллии Мосха” (“Elegie XIII, tirée d’une idylle de Moschus”)...»⁹⁷. Становится ясно, что под влиянием Шенье Пушкин переосмысливает античные образы, знакомые ему еще со времён обучения в Лицее.

Материал из антологии Н. Ф. Кошанского лежит в основе следующего пушкинского стихотворения под названием «Земля и море». В первом его варианте оно было под заглавием: «Морской берег» с подзаголовком: «Идиллия Мосха», что является отсылкой к греческому поэту Мосху. Важно отметить, что «в России до Пушкина Бион, как и Мосх, были переводимы очень мало»⁹⁸. В письме к брату в 1825 г. Пушкин пишет о двух греческих поэтов: «Над или под “Морем и землею” должно было поставить “Идиллия Мосха”. От этого я бы не удавился, а Бион старик при своем остался б»⁹⁹.

Пушкин ознакомился со стихами Мосха еще в Лицейскую пору через перевод Н. Ф. Кошанского. Как отмечает Д. П. Якубович, «это стихотворение имеет исключительное значение для мироощущения и стиля таких пушкинских вещей, как, например, позднейшие “Поэт” и “Арион”, и крайне существенно констатировать генезис этой античной “школы”»¹⁰⁰. Представляется существенным отметить, что как сам перевод Н. Ф. Кошанского, так и его комментарии к ним послужили для Пушкина образцом и подспорьем в понимании духа оригинала. Стихотворение «Земля и море» служит доказательством того, что «Пушкин обращался к греческим первоисточникам не через французов, а через посредство своего русского наставника — Кошанского»¹⁰¹, а также иллюстрирует тот факт, что Пушкин шел по его стопам.

---

⁹⁷АПСС. Т. 2, кн. 2. С. 536–537.

⁹⁸Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 135.

⁹⁹Акад. Т. 13. С. 142.

¹⁰⁰Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 133.

¹⁰¹Там же. С. 134.

На одной и тоже странице со стихотворением «Земля и море» находится четверостишие «Красавица перед зеркалом». Оно было написано в 1821 г., и оно, наряду с «Юношей», по мнению А. С. Кибальника является “отрывком” мадригального характера¹⁰². Как отмечает Д. П. Якубович, задача этого стихотворения – «передать ясность отражения, какая бывает в чистой воде, в незамутненном зеркале, и только»¹⁰³, что является одним из характерных в ту пору для поэта аспектов античности.

В тот же год Пушкин приступает к написанию еще одного антологического стихотворения – «Дева». Оно ориентировано «на “фрагменты” идиллий и элегии А. Шенье...»¹⁰⁴ и в нем, по замечкам Д. П. Якубовича, можно обнаружить некое сходство с фрагментом Сафо «Обиженной»¹⁰⁵. Представляется важным обратить внимание на то, что «Дева» тематически не связана с античной тематикой, что и сближает ее со стихотворением антологического цикла «Ночь». Это стихотворение было написано в 1823 г. и его отношение к отделу «Подражаний древним» объясняется тем, что Пушкин «хотел только несколько стусевать его автобиографический оттенок, подчеркивая в то же время принцип гармонизации стиха, характерный для всего отдела»¹⁰⁶.

Как и «Дева», так и «Дионея» лежит на автобиографическую основу и также датируется в 1821 году. Данное стихотворение «содержит очевидные переключки с эклогой Андре Шенье <...> “Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire...”», напечатанной в издании 1819 г. как пятая элегия...»¹⁰⁷. Пушкин развивает представленную в пятой элегии Шенье тему и рисует, отличающую от аналогической в элегии Шенье, картину счастливой любви молодой девушки. А. С. Кибальник выдвигает положение о том, что желая

---

¹⁰²Кибальник С. А. Антологические эпиграммы Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. Т. 12. С. 155.

¹⁰³Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 138.

¹⁰⁴АПСС. Т. 2, кн. 2. С. 563.

¹⁰⁵См.: Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 137.

¹⁰⁶Там же

¹⁰⁷АПСС. Т. 2, кн. 2. С. 622.

скрыть автобиографические следы в стихотворении, Пушкин «написал первую редакцию “Дионеи” от лица подруги, нежно сочувствующей этой любви, в то время как в элегии Шенье к влюбленной девушке обращается умудренный в любовных делах друг»¹⁰⁸. Данное стихотворение тематически не имеет четких связей с античностью.

В отличие от выше упомянутых стихотворений, стихотворение «Приметы» восходит к античным образцам и имеет четкие связи с антологическим жанром. Как и остальные стихотворения данного цикла, оно ориентировано «на эклоги и фрагменты идиллий А. Шенье...»¹⁰⁹. Как отмечает Д. П. Якубович, «сочетание “пастух и земледел”, конкретность деревенских наблюдений, южный колорит (виноград), архаика языка (“леты, предречь, ветер, младых, мразов, лоне, окличут, печальны, злак”) – все говорит о тончайшей стилизации, об изобретательных способах передачи антологической картинке средствами русского поэтического языка, о стремлении художника перевоплотиться в элементарную, но гармоническую и целостную психологию сельского поэта, по образу Тибулла, греческих идилликов или Вергилия как автора “Георгик” (1 книга, описание примет)»¹¹⁰. Помимо этого наблюдаются тематические связи «Приметов» с поэмой Гесиода «Труды и дни» в переводе П. И. Голенищева-Кутузова. «Переклички пушкинского стихотворения с поэмой Гесиода обусловлены тем, что на “Труды и дни” были ориентированы “Георгики” Вергилия»¹¹¹.

Последним стихотворением данного цикла является «Юноша», которое датируется январем – сентябрем 1825 года. Спустя год к стихотворению был добавлен подзаголовок “Сафо”, который, по мнению А. С. Кибальника, «употреблен в том смысле, что речь идет о поэтическом воплощении темы

---

¹⁰⁸Кибальник С. А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л., 1990. С. 192.

¹⁰⁹АПСС. Т. 2, кн. 2. С. 681.

¹¹⁰Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 137–138.

¹¹¹АПСС. Т. 2, кн. 2. С. 682.

любви Саффо к Фаону»¹¹². На основе “Юноша” лежит «мотив легенды о Сафо и Фаоне, пересказанной в героиде Овидия и знакомой Пушкину по переложениям еще в Лицее»¹¹³. Представляется существенным отметить, что Пушкин не просто заимствует этот античный образ, но и переосмысляет его. В своем стихотворении «сохраняя эротический колорит аналогичных обращений мелики Сафо, Пушкин тонко переводит их в план более возвышенный, говоря не только о физических, но и о душевных качествах...»¹¹⁴.

Таким образом, становится ясной ключевая роль поэзии Шенье, в результате которой «не только новые античные мотивы зазвучали в лирике и поэме Пушкина, но и старое повернулось по-новому, осмыслилось, стало близким, сочетаясь с лично пережитым»¹¹⁵.

Другим фактором, приведшим к новому осмыслению древности, служила ссылка русского поэта на юге. Пушкин впервые оказался там, имел возможность видеть непосредственно связанные с древними культурами места. Как отмечает Д. П. Якубович, «пейзаж Крыма и Кавказа, Черное море, отдельные слабые, но все же живые следы древнего мира приближали его к конкретному пониманию, и самая природа юга невольно объяснялась соотношениями с природой Греции и Италии, до некоторой степени аналогичной природе Крыма»¹¹⁶. Помимо этого, несомненно, значительную роль оказали революционные события, которые имели место в то время, в центре которых находилась Греческая революция. На юге Пушкин вел знакомства не только с деятелями Греческой революции, но и с простыми представителями греческого народа.

Первое прикосновение к современным поэту грекам привело к переосмыслению им образ древней Греции. «Характерно, что в Кишиневе

---

¹¹²Кибальник С. А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. С. 194.

¹¹³Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 136.

¹¹⁴Там же. С. 137.

¹¹⁵Там же. С. 129.

¹¹⁶Там же

самые образы античных поэтов переосмысляются Пушкиным в плане сближений с собственным изгнанием»¹¹⁷. Д. П. Якубович подчеркивает, что «в эти же годы, пользуясь для скрытого обозначения своей ссылки терминологией древнего мира (например в послании “Ф. Глинке”: “меня постигнул остракизм”, “эгида ссылки”, Москва – Афины), Пушкин продолжает игру именами гражданских героев древней Греции, за которыми прячет своих современников: Будущий вождь Союза благоденствия – Ф. Глинка – Аристид: “я – не Фемистокл” (“Л. Пушкину”))»¹¹⁸.

Наряду с мифологией, Пушкина интересует тема свободы и героизма. Во время пребывания в ссылке на юге, у поэта была возможность наблюдать изблизи подготовку Греческой революции, которую он приветствовал, поскольку она по существу являлась борьбой за высоко оцениваемое поэтом благо – свободу. В ту пору много людей, среди которых и оказавшийся значительное влияние на Пушкина Байрон, умирали за “великое, святое дело” освобождения страны, что и не могло не оставить нетронутым русского поэта.

Такой опыт, вместе со знакомством Пушкина с греками, послужил толчком для написания, посвященных не только Греческой революции, но и самим грекам, стихотворений. Тема освобождения Эллады получила отражение в связанных, хотя и в разной степени, с освободительной борьбой греков, стихотворениях: «Война», «Гречанка верная!», «Восстань, о Греция, восстань» «Олегов щит» и «Опять увенчаны мы славой...». Помимо этих стихотворениях, Греция упоминается в, написанном в 1821 г., поэме «Гавриилиада»:

Всех удалил, как древний бог Гомера,
Когда смирял бесчисленных детей;
Но Греции навек погасла вера,
Зевеса нет, мы сделали умней!¹¹⁹

---

¹¹⁷Там же. С. 138.

¹¹⁸Там же. С. 143–144.

¹¹⁹Акад. Т. 4. С. 134.

Спустя год в стихотворении “Гречанке” Пушкин напишет стих: «Под небом Греции священной»¹²⁰, который относится не к древней, а к современной поэту Греции. По мнению Д. П. Якубовича, «в числе стихотворений 1822 г. перекликаются с античной тематикой послание “Друзьям” (пир Вакха, Музы, благословляющие венками, скифская жажда, скоротечная жизнь) и в некоторой мере подводящее к теме “Прозерпины” стихотворение “Люблю ваш сумрак неизвестный” (холодная Лета, “они, бессмертие вкушая, их поджидают в Элизей”, чистый пламень пожирает несовершенство бытия”»¹²¹.

В периоде южной ссылки можно обнаружить и попытка Пушкина «сплавить воедино два древних повествования: одно об Актеоне, подсмотревшем Диану в Гаргафии во время купанья и в наказание превращенном ею в оленя, который растерзан своими же собственными собаками (Овидий), и второе — предание о карийском пастухе Эндимионе, влюбленном в Диану»¹²². На основе этого замысла лежало желание поэта создать свой собственный миф в роде античных, с которыми он, по-видимому, был хорошо знаком.

Античность и ее атрибуты, как и прежде, лежат не основе творчества русского поэта. В рамках этого периода в общей сложности отражено ясное изменение отношения Пушкина к античному миру. Он избавился от античных шаблонов, изменил свое «“лицейское” отношение к античности на новое, уже ранее подготовленное»¹²³ и даже предпринял попытку создать свой собственный миф.

---

¹²⁰АПСС. Т. 2, кн. 2. С. 78.

¹²¹Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 144.

¹²²Там же. С. 146.

¹²³Там же. С. 129.

1.4. После Юга (1826–1837)

Наметившиеся на юге тенденции в отношении Пушкина к античности, выразившиеся в стремлении постичь и выразить «древний вкус», само мироощущение древних, получают развитие в последующие годы. Переход от романтических поэм к исторической драме во время ссылки в Михайловское свидетельствует, в частности, о созревании исторических взглядов поэта. По замечанию Б. В. Томашевского, «почти никогда Пушкин не обращается к истории вне ее связи с современностью...»¹²⁴. Древняя история, таким образом, служит образцом для понимания собственной истории. При всем том древнегреческая поэзия продолжает сохранять для Пушкина свою самоценность и занимает свое место в пушкинском творчестве.

Эта тенденция, однако, проявилась не сразу. В написанной в 1825 г. в Михайловском пародийной «Оде его сият<ельству> гр<афу> Д. И. Хвостову» («Султан ярится. Кровь Эллады...»), построенной на «греческом» сюжете, можно обнаружить множество античных, и по большей части древнегреческих имён, особенно они нагнетаются в заключительных стихах:

И да блюдут твой мирный сон
Нептун, Плутон, Зевс, Цитерея,
Гебея, Псиша, Крон, Астрея,
Феб, Игры, Смехи, Вакх, Харон.
(Акад. Т. 2. С. 388)

Характер употребления мифологических имён здесь, по сути, напоминает употребление их в пушкинских лицейских стихотворениях: они не несут никакой эмоциональной нагрузки, а, по всей видимости «сливаясь в громком патетическом чтении, дают гротескный образ»¹²⁵, пародируя особенности одической поэтики. «Это стихотворение, – отмечает

---

¹²⁴Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л.: Наука, 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837). С. 171.

¹²⁵См.: Худошина Э. И. Структура пародии А. С. Пушкина «Ода... графу Хвостову» // Лирическое стихотворение: анализы и разборы. Учебное пособие. Л., 1974. С. 48.

Д. П. Якубович, – является последней расправой Пушкина и с номенклатурным восприятием античности, когда-то свойственным и ему самому»¹²⁶.

В том же 1825 г. пишутся «Вакхическая песня» («Что смолкнул веселия глас?...») – второе после «Торжества Вакха» пушкинское обращение к античному жанру дифирамба, и «Движение» («Движенья нет, сказал мудрец брадатый...»), излагающее исторический анекдот про спор философа V в. до н. э. Зенона с Антисфеном. Как и в «Оде», в этих стихотворениях греческая ономастика служит лишь своего рода стилистическим маркером, древнегреческая поэзия здесь не присутствует как предмет осмысления и эстетического переживания.

Высказывание Пушкина в наброске статьи, написанной в возражение на «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» к А. А. Бестужева («Полярная звезда» на 1825 г.), не свидетельствует об особой глубине знаний поэта в сфере древнегреческой культуры: «О греческой поэзии судить нам невозможно, до нас дошло слишком мало памятников оной. О греческой критике мы не имеем и понятия, но мы знаем, что Геродот жил прежде поэзии Эсхила — гениального творца трагедии»¹²⁷. Тем не менее, в наброске статьи «О поэзии классической и романтической» (1825) он указывает на универсальную значимость греческой поэзии: «Не считаю за нужное говорить о поэзии гр<еков> и римл<ян>: каждый образованный европеец должен иметь достаточное понятие о бессмертных созданиях величавой древности»¹²⁸. В статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825) говорит о «сокровищнице гармонии» древнегреческого языка, его «обдуманной» грамматике, «прекрасных оборотах», «величественном течении речи» и, близко подходя к программе оленинского кружка, указывает на его значение

---

¹²⁶Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. С. 157.

¹²⁷Акад. Т. 11. С. 25.

¹²⁸Там же. С. 36.

для языка славянорусского, сочетавшего в себе «книжное» и «простонародное» наречия¹²⁹.

По замечаниям Г. С. Кнабе, «в течение ряда лет — 1825–1826, 1828–1829, 1831 — не создается ни одного античного стихотворения. В интервалах, когда они возникают, они «почти неизменно варьируют условные сюжеты и образы греческой мифологии»¹³⁰. Таково, например, написанное в 1827 г. стихотворение «Арион», в основе которого лежит античный, мифологический и аллегорический образ древнегреческого лирического поэта Ариона. По мнению Т. Г. Мальчуковой, «в своих антологических стихах Пушкин <...> не покидает собственного времени и, хотя говорит о нем обобщенным языком лирики, не только не сливает его с античностью, но, напротив, сопоставляет, а в иных случаях — и противопоставляет эти два мира в обнаженном контрасте»¹³¹. Об этом свидетельствует и написанная в 1829 г. эпиграмма «При посылке бронзового сфинкса», в которой встречаются имена древнегреческого поэта Феокрита и царя Эдипа. Таково же антологическое стихотворение: «Рифма» (1830):

Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеня.
Феб, увидев ее, страстию к ней воспылал.
Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога;
Меж говорливых наяд, мучась, она родила
Милую дочь. Ее прияла сама Мнемозина.
Резвая дева росла в хоре богинь-аонид,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музам мила; на земле Рифмой зовется она.
(Акад. Т. 3. С. 240)

В основе стихотворения лежит миф, но в достаточной мере измененный поэтом. Следовательно, получился новый сюжет, который «аллегорически изображал естественное происхождение рифмы и иллюстрировал историко-литературную мысль поэта о преемственной связи классической и

---

¹²⁹Там же. С. 31.

¹³⁰Кнабе Г. С. Античная литература. С. 26.

¹³¹Мальчукова Т. Г. О жанровых традициях в «Антологических эпитафиях» А. С. Пушкина // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1986. С. 72.

современной поэзии»¹³². Как отмечает А. С. Кибальник, «пушкинская “Рифма” – уникальный пример мифотворчества поэта, мифотворчества, основанного на глубоком проникновении в специфическую структуру античного мифа»¹³³.

Античное наследие занимает видное место в творчестве поэта и в последние годы его жизни, когда он ориентировался на непосредственный контакт с античными авторами и на перевод их текстов. Важно отметить, что в то время поэт старается подчеркнуть «черты общности культур языка оригинала и языка перевода, проявление в национальном общечеловеческого, а не их различие, не моменты национальной обособленности»¹³⁴. «В 30-х годах Пушкин решительно обращается к греческой лирике, убедившись в том, что его французские учителя просто неспособны были понимать греков и смотрели на них, равно как и на римских писателей и Шекспира, сквозь призму шаблонного приличия, унаследованного от литературы времен Людовика XIV»¹³⁵. Для этого периода характерны пушкинские переводы, помимо прочего, древнегреческих авторов, например, стихотворения «Из Ксенофана Колофонского», «Из Афиняя» и «Из Анакреона».

В 1832 – начале января 1833 г. написаны стихотворения «Из Ксенофана Колофонского» («Чистый лоснится пол...») и «Из Афиняя» («Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя хоров...»), составившие мини-цикл «Подражания древним». Первое стихотворение является вольным переводом стихотворения древнегреческого поэта и философа Ксенофана Колофонского (VI в. до н. э.):

Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают;
Все уж увенчаны гости; иной обоняет, зажмурясь;

---

¹³²Там же. С. 70.

¹³³Кибальник С. А. Античная поэзия в России. XVIII – первая половина XIX века. С. 336.

¹³⁴Владимирский Г. Д. Пушкин-переводчик // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Вып. 4/5. С. 323.

¹³⁵Покровский М. М. Пушкин и античность. С. 28.

Ладана сладостный дым; другой открывает амфору,
Запах веселый вина разливая далече; сосуды
Светлой студеной воды, золотистые хлебы, янтарный
Мед и сыр молодой: все готово; весь убран цветами
Жертвенник. Хоры поют. Но в начале трапезы, о други,
Должно творить воззянья, вещать благовещие речи,
Должно бессмертных молить, да сподобят нас чистой душою
Правду блюсти: ведь оно ж и легче. Теперь мы приступим:
Каждый в меру свою напивайся. Беда не велика
В ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
Гостю, который за чашей беседует мудро и тихо!

(Акад. Т. 3. С. 290)

По мнению В. Г. Белинского, это стихотворение имеет особую важность для характеристики отношения поэта к древнегреческой культуре, так как в нем, «наиболее ясно высказывается эллинский дух»¹³⁶. Источником Пушкину послужил компилятивный труд позднегреческого автора Афинейя «Пир софистов» (или «Пир мудрецов») во французском переводе Ж.-Б. Лефревра де Билебрюна¹³⁷. М. П. Алексеевым было выдвинуто предположение, что помимо перевода Лефревра де Виллебрюна Пушкин мог опираться на «Новые философские фрагменты» («Nouveaux fragments philosophiques») В. Кузена, открывающуюся большой статьей о Ксенофане как об основателе элейской школы («Xenophane, fondateur de l'école Elée»), где приводится полностью описание пира Ксенофана в собственном переводе В. Кузена с греческого текста, сохраненного Афинеем¹³⁸.

Элегия Ксенофана в переложении Пушкина представляет собой особый интерес не только в плане содержания, но и в плане стилистики. Стихотворение «Из Ксенофана Колофонского» в творческом наследии Пушкина является единственным чисто гекзаметрическим. Оригинал

---

¹³⁶Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13т. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1955. Т. 7. С. 325.

¹³⁷«Banquet des Savans, par Athénée, traduit, tant sur les textes imprimés, que sur plusieurs manuscrits, par M. Lefebvre de Villebrune». Paris, 1789. Vol. 1–4. См.: Муравьева О. С. «(Из Ксенофана Колофонского)» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 2: Е—К. С. 224, здесь же библиография работ, посвященных стихотворению.

¹³⁸См.: Алексеев М. П. К источникам «Подражаний древним» Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 27.

Ксенофана был написан элегическим дистихом. Прочитав прозаический перевод Лефевра, Пушкин решил написать собственный вольный перевод гекзаметром¹³⁹, поскольку этот размер прочно ассоциировался в сознании поэта с античностью, яркий образ которой он и стремился воссоздать. Как отмечает С. М. Бонди, «Пушкин или пишет этим стихом вещи в античном духе, или употребляет его для стихов на современную тему, заведомо стремясь придать им античный характер, связать с образами античности»¹⁴⁰.

Выбор гекзаметра, помимо прочего, обеспечил «два качества, постоянные в пушкинской поэтике, – краткость и связность»¹⁴¹. Важно отметить, что текст пушкинского перевода по сравнению с текстом подлинника в два раза меньше. При том, у Пушкина «первые 6 с половиной стихов – часть описательная, вторые 6 с половиной – часть наставительная»¹⁴², что позволило ему добиться полного соответствия с греческим стихотворением. По замечаниям Я. Л. Левкович, «строго отбирая детали и стремясь избегать лишних, необязательных слов», Пушкин переводит только «те строки оригинала, на которые падает смысловая нагрузка»¹⁴³.

Что касается содержания, то во второй половине можно отметить существенную разницу между пушкинским и греческим текстами. Как отмечает М. Л. Гаспаров, «Ксенофан был одним из первых греческих философов, делом его жизни была борьба за разум против мифа. Поэтому смысл его элегии: вот пир, но будем и на пиру блюсти разум – развлекаться не мифическими сказками, а душеполезными разговорами; и будем блюсти

---

¹³⁹Причины этого выбора подробно рассмотрены М. Л. Гаспаровым: *Гаспаров М. Л. «Из Ксенофана Колофонского» Пушкина: (Поэтика перевода) // Гаспаров М. Л. Избр. труды: В 4 т. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 2: О стихах. С. 89–92.*

¹⁴⁰*Бонди С. М. Пушкин и русский гекзаметр // Бонди С. М. О Пушкине: Статьи и исследования. М.: Худож. лит., 1978. С. 371.*

¹⁴¹*Гаспаров М. Л. «Из Ксенофана Колофонского» Пушкина: (Поэтика перевода). С. 92.*

¹⁴²Там же. С. 90.

¹⁴³*Левкович Я. Л. К творческой истории перевода Пушкина «Из Ксенофана Колофонского» // Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л.: Наука, 1972. С. 93.*

меру – пить столько, чтобы вернуться каждому без помощи раба»¹⁴⁴. Однако в пушкинском переводе мы читаем:

Каждый в меру свою напивайся. Беда не велика
В ночь, возвращаясь домой, на раба опираться...

В основе этого расхождения лежит разница между людьми древнего и нового времени той эпохи. «Мера во всем» – очень важное понятие для древних греков, что отражено в элегии Ксенофана, согласно которой степень опьянения ограничивается возможностью каждого «вернуться домой без сопровождающего служителя». «Праздник духа и праздник тела – эти два аспекта античного быта для Ксенофана находились в конфликте, а для его новоевропейских читателей – нет»¹⁴⁵.

«Таким образом, Пушкин на материале стихотворения древнегреческого поэта дает свое представление об античности как о завершенном в своей красоте и гармонии мире»¹⁴⁶. Цель поэта не состоит в верном воссоздании переводимого текста. Пушкин «отступает от оригинала, чтобы подчеркнуть, безотносительно к подлиннику, национальную и историческую специфику греческого стихотворения, воспроизвести гармоничный и светлый мир древней Эллады»¹⁴⁷.

Стихотворение «Из Афиня» написано в одно время со стихотворением «Из Ксенофана Колофонского», также входит в цикл «Подражания древним» и имеет тот же источник. Оно является вольным гекзаметричным переводом античной эпитафии (нагробной надписи) флейтисту Феону, принадлежавшей древнегреческому поэту Гедилу (III в. до н. э.):

Славная флейта, Феон, здесь лежит. Передводителя хоров
Старец, ослепший от лет, некогда Скрипал родил
И, вдохновенный, нарек младенца Феоном. За чашей
Сладостно Вакха и муз славил приятный Феон.

---

¹⁴⁴Гаспаров М. Л. «Из Ксенофана Колофонского» Пушкина: (Поэтика перевода). С. 94–95.

¹⁴⁵Там же. С. 95.

¹⁴⁶Муравьева О. С. Из Ксенофана Колофонского. С. 226.

¹⁴⁷Левкович Я. Л. К творческой истории перевода Пушкина «Из Ксенофана Колофонского». С. 95–96.

Славил и Ватала он, молодого красавца: прохожий!
Мимо гробницы спеша, авмолви: здравствуй, Феон!
(Акад. Т. 3. С. 291)

Как отметил М. П. Алексеев, в ту пору имя Афиней пользовалось популярностью в России, поскольку в «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара помещена была справка о нем, написанная К. М. Базили (товарищем Гоголя по Нежинскому лицу)¹⁴⁸.

Представляется существенным отметить, что несмотря на то, что Пушкин, не владевший греческим языком, был вынужден пользоваться французским прозаическим переводом, ему, тем не менее, удалось точно восстановить метрическую структуру греческого подлинника. Этому переводу присуща характерная черта пушкинской антологической эпиграммы – краткость. Как отмечает А. С. Кибальник, «пушкинская эпитафия состоит из шести стихов: поэт опустил некоторые подробности жизни умершего, разрушающие скупую лапидарность эпитафии»¹⁴⁹.

Наряду с другими, тем или иным образом связанными с древнегреческой литературы, антологическими стихотворениями, нельзя не упомянуть написанное в 1833 г. стихотворение «Вино (Ион Хиосский)»:

Злое дитя, старик молодой, властелин добронравный,
Гордость внушающий нам шумный заступник любви!
(Акад. Т. 3. С. 298)

Стихотворение представляет собой перевод отрывка из дифирамба древнегреческого поэта Иона Хиосского (ок. 490–422 до н. э.), цитируемого позднегреческим грамматиком Афинеем (Афенеем, ок. 200 н. э.)¹⁵⁰. Как и в других переводах из древнегреческих авторов, Пушкин сокращает текст оригинала, и на основе французского прозаического перевода создает элегический дистих. Важно отметить, что поэт отходит от оригинала, «редактируя текст с точки зрения современного ему русского эстетического

---

¹⁴⁸См.: Алексеев М. П. К источникам «Подражаний древним» Пушкина. С. 25.

¹⁴⁹Кибальник С. А. Античная поэзия в России. XVIII – первая половина XIX века. С. 345.

¹⁵⁰См.: Кибальник С. А. «Вино (Ион Хиосский)» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб.: Нестор-История, 2009. Вып. 1:А — Д, С. 259–260.

сознания...»¹⁵¹. Как отмечает Г. Г. Гельд, «отрывок дифирамба Иона состоит всего из нескольких слов, выхваченных из контекста»¹⁵².

В один день со стихотворением «Вино (Ион Хиосский)» было написано дистих «Юноша! скромно пируй», источником для которого послужил дифирамб Иона Хиосского:

Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
С трезвой струею воды, с мудрой беседой мешай.
(Акад. Т. 3. С. 297)

Тематически к этим переводам примыкает и стихотворение «Бог веселый винограда...» (1833), предложение из того же Афиней–Лэфрева, написанное, однако, не гекзаметром, а нерифмованным четырехстопным хореем, который использовался Пушкиным и в переводе од Анакреона¹⁵³.

В целом же, творчество Пушкина 1830-х гг. свидетельствует, что Пушкин «овладел искусством пластического воспроизведения формы предмета посредством звуков и слов»¹⁵⁴.

---

¹⁵¹Там же

¹⁵²Гельд Г. Г. Пушкин и Афиней // Пушкин и его современники. Л., 1927. Вып. 31–32. С. 18.

¹⁵³См.: Таборисская Е. М. «Бог веселый винограда...» // Пушкинская энциклопедия. Произведения. Вып. 1: А—Д. С. 136; Кибальник С. А. Античная поэзия в России. XVIII – первая половина XIX века. С. 346.

¹⁵⁴Кибальник С. А. Античная поэзия в России. XVIII – первая половина XIX века. С. 349.

ГЛАВА 2. ИНТЕРЕС А. С. ПУШКИНА К ГРЕЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

2.1. Исторический контекст Греческой революции и русско-греческих отношений в первой четверти XIX в.

С падением Константинополя в 1453 г. началась эпоха подчинения Греции Османской империи – эпоха четырехсотлетнего рабства и бесчеловечной эксплуатации. Греческий народ подвергался массовым дискриминациям. Несмотря на то, что греко-православные общины официально признавались османским государством и пользовались внутри него ограниченной автономией, греческое население было радикально ущемлено в основных правах (в праве на труд, в свободе торговли, в распределении налогов и т. д.), не говоря уже о полной потере личной безопасности¹⁵⁵. Греческие христиане, особенно в первые века завоевания, подвергались уничтожению, пленению, насильственной исламизации, сталкивались с массовым отбором детей с целью обучения их военному делу в исламских традициях и в верности Османскому государству. Тем не менее, сумев сохранить язык и религию, два основных элемента своей национальной идентичности, греческому народу удалось избежать ассимиляции в Османском государстве. В начале XIX в. в Греции началось широкое национальное движение за освобождение страны от турецкого владычества и формирование независимого государства.

Греческая революция, продолжавшаяся с 1821 по 1830 г., представляет собой первый акт в истории становления современного греческого государства¹⁵⁶. В общем идеологическом плане Греческая революция берет свое начало в Великой французской революции и ее идеологии¹⁵⁷.

---

¹⁵⁵*Βουρνάς Τάσος* Ιστορία της Νεώτερης και Σύγχρονης Ελλάδας (Новейшая история современной Греции), Τόμος Α. Αθήνα: Εκδόσεις Πατάκη, 2006. Σελ. 14.

¹⁵⁶*Βερέμης Θάνος, Γιάννης Κολιόπουλος* Η συγκρότηση εξουσίας στην επαναστατημένη Ελλάδα (Становление власти в революционной Греции). Αθήνα: Εκδόσεις Σκάι, 2010. Σελ. 9.

¹⁵⁷*Βουρνάς Τάσος* Ιστορία της Νεώτερης και Σύγχρονης Ελλάδας (Новейшая история современной Греции). Σελ. 9.

Важнейшими же событиями, приблизившими ее начало, явились возникновение общеевропейского движения филэллинизма, русско-турецкие войны на Балканах с 1770 до 1807 годов, а внутри самой Греции образование Филики Этерия.

В конце XVIII века появилось движение филэллинизма, которое отличалось восхищением и преклонением перед древнегреческим миром. К концу века поток иностранцев, посещавших Грецию значительно увеличился, так как путешествие в Грецию рассматривалось как паломничество по святым местам, подобно паломничеству в Мекку. К восхищению страной добавлялось еще сочувствие несчастным грекам. Филэллины проявляли живой интерес к судьбе и освобождению греческого народа, и подняли тему освобождения Греции на общеевропейском уровне. Таким образом, понятие филэллинизма постепенно обретало новый смысл, поскольку филэллины не отделяли древнюю Грецию от современной им, а относились с любовью к обеим¹⁵⁸.

В первой четверти XVIII века Россия воспринималась греками как мощная антитурецкая сила. Так, уже во время русско-турецкой войны 1710–1713 гг. греки ждали помощи от русских – факт, отразившийся в известной народной песне: «Потерпите еще эту весну, поработанные греки <...>пока не придет московит, не приведет войска...»¹⁵⁹. В 1736 г., после первых успехов в войне 1735–1739 гг. фельдмаршал Б. Х. Миних убеждал императрицу Елизавету: «что наконец настало время стереть бесчестье, случившееся, когда женщина спасла государство¹⁶⁰, что другая женщина, наследница одновременно и владений, и славы великого Петра, должна отомстить; что счастливые успехи последней кампании должны внушить этой государыне мысль осуществить великие планы Петра – завладеть

---

¹⁵⁸*Βακαλόπουλος Απόστολος* Καίρια θέματα της ιστορίας μας (Ключевые события нашей истории), Θεσσαλονίκη: Εκδόσεις Βάνιας, 1988. Σελ. 224–225, 228–229, 239.

¹⁵⁹*Βουρνάς Τάσος* Ιστορία της Νεώτερης και Σύγχρονης Ελλάδας (Новейшая история современной Греции). Σελ. 56–57.

¹⁶⁰Речь идет о действиях Екатерины I во время Прутского похода 1711 г.

Крымом и поставить флот на Черном море; что, если удача продолжит нам споспешествовать, то можно надеяться на большее; что речь идет не менее, чем о том, чтобы изгнать турок из Европы и из Константинополя, столицы греков, которые, видя в императрице их законную правительницу и единственную надежду, призывают ее освободить их от неверных и ожидают лишь удобного момента, чтобы встать под ее знамена»¹⁶¹.

Накануне следующей войны, в 1766 г. русские власти отправили в Грецию своего эмиссара, офицера Георгиоса Папазолиса, для подготовки греческую часть общевалканского восстания. Война началась в 1768 г.; в 1770 г., с прибытием к берегам Пелопоннеса русского флота греки восстали против турок. Эти события вошли в историю под названием Морейского или Орловского восстания (по имени командующего русской средиземноморской эскадрой Алексея Орлова)¹⁶². Несмотря на то, что после первых значительных успехов ход войны осложнился для России и турки восстановили свое господство на Пелопоннесе¹⁶³, Морейское восстание стало важным организационным моментом в последующей борьбе греков за независимость.

С середины 1770-х гг. греческая тема заняла важное место в международной политике России, оформившись в конечном счете в так называемый «греческий проект» Екатерины II. Этот проект сложился в рамках «восточной системы» Г. А. Потемкина, пришедшей на смену

---

¹⁶¹*Algarotti F. Lettres sur la Russie, contenant l'état du Commerce, de la Marine, des revenus et des forces de cet Empire: avec l'histoire de la guerre de 1735 contre les Turcs...* Londre; Paris, 1769. P. 154–155 (цит. по: Voltaire – Catherine II. Correspondance 1763–1778. Paris: Non Lieu, 2006. P. 69).

¹⁶²*Βουρνάς Τάσος* Ιστορία της Νεώτερης και Σύγχρονης Ελλάδας (Новейшая история современной Греции). Σελ. 56–57.

¹⁶³Несколько сотен повстанцев покинули Пелопоннес на российских кораблях; русская эскадра еще четыре года оставалась в Эгейском море на острове Парос, представляя постоянную угрозу для Турции и Англии (см.: *Σβορώνος Γ. Νίκος* Επισκόπηση της νεοελληνικής ιστορίας (Обзор новогреческой истории), Αθήνα: Εκδόσεις Θεμέλιο, 2007. Σελ. 59).

«северной системе» Н. И. Панина¹⁶⁴. Наиболее полно проект был изложен в письме Екатерины II к австрийскому императору Иосифу II от 10 / 21 сентября 1782 г.¹⁶⁵, но первое упоминание о нем появляется в письмах английского посланника в России лорда Гарриса в мае – начале июня 1779 г.: «Князь Потемкин мало обращает внимания на политику западной Европы: мысли его постоянно заняты планом основания новой империи на Востоке. Императрица до такой степени разделяет эти намерения, что, гонясь за своей мечтой, она уже назвала новорожденного великого князя Константином, определила к нему в няньки гречанку, по имени Елену и в близком кругу говорит о возведении его на престол Восточной империи»¹⁶⁶.

«Греческий проект» «не был каким-то импульсивным шагом Екатерины II: корни его уходят вглубь веков, основываясь на традициях российской внешней политики, на тесных политических, культурных, церковных связях, возникших между православным населением Балкан и Россией в эпоху османского господства»¹⁶⁷. Он включал в себя разнообразные дипломатические, военные и пропагандистские акции, как международные, так и внутривосточные и явился «одной из самых масштабных, детализированных и амбициозных внешнеполитических идей, которые когда-либо выдвигались правителями России»¹⁶⁸. Нельзя не упомянуть, что разработка Греческого проекта с одной стороны объясняется значением, которое придавала Екатерина II черноморско-балканскому направлению во внешней политике, а с другой стороны, влиянием Вольтера на императрицу.

---

¹⁶⁴См.: *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 34.

¹⁶⁵Там же. С. 33.

¹⁶⁶Русский архив. 1874. Т. 2, № 7 Стб. 156. См. также: *Проскурина В. Ю.* Империя пера Екатерины II: Литература как политика. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 168–169.

¹⁶⁷*Арш Г. Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: От Екатерины II до Николая I: Очерки. М.: Индрик, 2013. С. 35.

¹⁶⁸*Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... С. 33; см. также: *Арш Г. Л.* Россия и борьба Греции за освобождение. С. 51.

Конечной целью проекта было изгнание турок из Европы, освобождение всех христиан от мусульманского гнета, возвращение в Константинополь православия, и восстановление греческой империи, союзной с Россией, но независимой от нее, на престол которой Екатерина собиралась посадить своего внука – Константина. Свидетельством таких намерений императрицы служили выбор имени внука, отсылавшего к последнему императору Византии, “эллинское воспитание”, которое он получил, памятная медаль с античными фигурами и храмом Святой Софии, «выбитая в честь появления великого князя на свет»¹⁶⁹. Все эти факты были известны грекам, для которых «Константин являлся живым символом освободительной, филэллинской стороны Греческого проекта»¹⁷⁰.

Основанием для возникновения Греческого проекта послужили две идеи: мотив возвращения к античности и мотив единения с православными народами. Что касается первого мотива, как неоднократно убеждал в своих письмах Вольтер Екатерину II, она должна была вернуть грекам их античное наследие. С другой стороны, Россия должна была выступить «в качестве естественной избавительницы греков от ига неверных»¹⁷¹, что и было особенно важно, поскольку «Россия получила свою веру из греческих рук»¹⁷². Константинополь стал преемником Афин и их культуры, в то время как Москва стала преемником Константинополя. Таким образом, Россия оказалась «не только покровительницей Греции»¹⁷³, но и, «безусловно легитимной наследницей греческой античности»¹⁷⁴.

«Прекращение императрицей дипломатических контактов по Греческому проекту связано с происшедшими к этому времени неблагоприятными для России изменениями в международной

---

¹⁶⁹Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла ... С. 33.

¹⁷⁰Ариш Г. Л. Россия и борьба Греции за освобождение: От Екатерины II до Николая I: Очерки. С. 52.

¹⁷¹Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла ... С. 36.

¹⁷²Там же

¹⁷³Там же

¹⁷⁴Там же

обстановке...»¹⁷⁵. Несмотря на то, что «Греческий проект» не осуществился, он «представлял собою не только значительную внешнеполитическую акцию России, но и важную веху в многовековой истории русско-греческих связей»¹⁷⁶.

Серьезным толчком к Греческой революции послужило создание Филики Этерии. Уже давно созрела мысль о том, что освобождение Греции было делом, непосредственно касающимся греков, которые больше не могли опираться на настроение и помощь иностранцев¹⁷⁷. Филики Этерия была создана в 1814 г. в Одессе в юге России, где с 1712 г. процветала греческая община. Основателями Филики Этерии являлись Николаос Скуфас, Эммануил Ксантос и Атанасиос Цакалоф, и главной ее задачей являлось вооруженное национально-освободительное восстание в Греции с целью создания независимого греческого государства¹⁷⁸.

Для достижения своих целей, кроме сплоченности внутри и за рубежом страны, греки установили тесные связи с другими поработанными балканскими народами с целью одновременного и согласованного революционного восстания.

Основная трудность, с которой столкнулись основатели Филики Этерии, была проблема лидерства. Сначала они обратились к Иоанну Каподистрии, который не согласился, поскольку он по его словам «был министром царя». В итоге бразды правления Этерии взял на себя адъютант царя Александр Ипсиланти, который был убежден в том, что его друг декабрист генерал Орлов не оставит его без помощи¹⁷⁹.

Развитию сил Филики Этерии способствовала российская толерантность, которая во многих случаях выражалась в виде открытой

---

¹⁷⁵ *Арш Г. Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: От Екатерины II до Николая I: Очерки. С. 45.

¹⁷⁶ Там же. С. 52.

¹⁷⁷ *Βουρνάς Τάσος* Φιλική Εταιρία (Филики Этерия), Αθήνα: Εκδόσεις Αφών Τολίδη, 1982. Σελ. 17.

¹⁷⁸ *Βουρνάς Τάσος* Ιστορία της Νεώτερης και Σύγχρονης Ελλάδας (Новейшая история современной Греции). Σελ. 63.

¹⁷⁹ Там же. Σελ. 65.

поддержки, такой как предоставление дипломатического почтового отделения России для передачи секретной переписки членов Этерии, решительной денежной поддержки и дипломатической защиты преследуемых членов¹⁸⁰.

Греческая революция разразилась одновременно в двух пунктах. В 1821 г. Александр Ипсиланти заняв Яссы, объявил о начале революции в Молдавии и Валахии¹⁸¹. В своем воззвании он призывал всех греков взяться за оружие, уверяя их, чтобы поднять их боевой дух, что «одна великая страна», то есть Россия, без сомнения поможет борьбе греков за свободу. Революция в Молдавии и Валахии была подкреплена деньгами, оружием, поставками и добровольцами российского филэллинистического движения. Артиллерия Ипсилантиса была приобретена у российской армии и оплачена греками, проживавшими тогда в России. Этой операции помогли русские офицеры-декабристы¹⁸².

Английская дипломатия, как только осознала серьезность восстания, заявила русским, что «любое вмешательство в греческие дела будет рассматриваться как враждебное по отношению к Англии действие». Под давлением Австрии Меттерниха, царь Александр отрекся от Греческой революции. Таким образом, долгожданная помощь из России так и не пришла¹⁸³.

Вторым пунктом, в котором началась революция, был Пелопоннес, а первым освобожденным городом—Патры. Сначала движение распространилось с Пелопоннеса в Центральную Грецию и затем на ближайшие острова¹⁸⁴.

---

¹⁸⁰*Βουρνάς Τάσος* Φιλική Εταιρία (Филики Этерия). Σελ. 21.

¹⁸¹Там же. Σελ. 66.

¹⁸²*Βουρνάς Τάσος* Ιστορία της Νεώτερης και Σύγχρονης Ελλάδας (Новейшая история современной Греции). Σελ. 68,69.

¹⁸³Там же. Σελ. 72.

¹⁸⁴Там же. Σελ. 79.

Хроника Греческой революции

1814: Создание Филики Этерии в Одессе с целью подготовки Греческой революции. Основателями Филики Этерии являлись Николаос Скуфас, Эммануил Ксантос и Атанасиос Цакалоф.

1820: Генеральным комиссаром «Высокого авторитета Филики Этерии» становится Александр Ипсиланти.

февраль–март 1821: Александр Ипсиланти объявляет в Яссах Молдавии официальное начало революции в Дунайских княжествах.

25 марта 1821: Символическая дата начала Греческой революции. В день Благовещения в монастыре Святая Лавра митрополит Герман Патрский с призывом «Свобода или смерть» поднял знамя революции. Теодорос Колокотронис, Папафлессас и Петромбеис Мавромихалис освобождают Каламату от турок.

10 апреля 1821: Казнь Патриарха Григория V в Константинополе.

23-24 апреля 1821: Героическая и мученическая смерть Афанасия Дьякоса в Аламани. В битве при Хани Гравии благодаря усилиям Одиссея Андруцоса и его товарищей продвижение турецкой армии на Пелопоннес было остановлено.

12-13 мая 1821: Победа греков в Валтеци открывает путь для захвата военно-политического центра Пелопоннеса – Триполи.

14 июня 1821: Революция на Крите.

Июнь 1821: Поражение войск Ипсиланти при Скулянах и у Дрэгэшани. Конец революции в дунайских княжествах.

23 сентября 1821: Захват Триполи и консолидация революции на Пелопоннесе.

13 ноября 1821: Освобождение Арты вождями Марко и Ноти Боцари, братьями Тзавелой и другими. Учреждение под председательством Александра Маврокордатоса в Месолонги «Организации Западной Эллады».

Декабрь 1821: Созыв в Аргосе Национального собрания в Эпидавре.

13 января 1822: Принятие Эпидаврского органического статута – временной конституции, авторами которой являлись А. Маврокордатос, Т. Негрис и итальянский филэллин В. Таллина. Председателем исполнительной власти избран Александр Маврокордатос.

30 марта 1822: Уничтожение Хиоса турецкими войсками капитана Паши Кара Али, вызвавшее огромный резонанс и волну филэллинизма в Европе, особенно среди сочувственно настроенных к восставшим романтиков.

6 июня 1822: Захват Сули.

29 июня 1822: Теодорос Колокотронис уничтожает армию Махмуд-паши в Дервенакии.

июль 1822: Поражение греков в Пете.

январь 1823: Греческая победа в Нафплион, который стал резиденцией революционного правительства.

март 1823: Англия признает де-факто Греческую революцию.

март-апрель 1823: Второе национальное собрание греков в Астросе Кинурии.

12 июля 1823: Филэллин, лорд Байрон, прибывает в Аргостоли. Он поддержит революцию и умрет в Месолонги в апреле 1824 г.

осень 1823 - лето 1824: Гражданская война.

15 апреля 1825: Начало третьей осады Месолонгиона – главного операционного пункта в Западной Греции под начальством Александра Маврокордатоса (первая осада – октябрь 1822 г.; вторая – конец 1823 г.).

10 апреля 1826 года произойдет выход из Месолонгиона. Трагедия Месолонгиона оказала большое влияние на европейские страны и вызвала широкую поддержку Революции.

30 марта 1827: И. Каподистрия был избран на 7 лет правителем Греции.

8 октября 1827: Наваринский бой – крупное морское сражение между соединенной эскадрой России, Англии и Франции, с одной стороны, и турецко-египетским флотом – с другой. Этим сражением была обеспечена поддержка греческого национально-освободительного движения, благодаря

усилиям которого и по Адрианопольскому мирному договору была обеспечена автономия Греции.

январь 1828: И. Каподистрия прибыл в Нафплион.

14 сентября 1829: Адрианопольский мирный договор.

3 февраля 1830: Три «великие державы» Европы — Российская империя, Великобритания и Франция подписали Лондонский протокол, признав, таким образом, независимость Греции от Османской империи.

27 сентября 1831: Убийство Каподистрии в Нафплионе.

25 апреля 1832: Оттон избран наследным монархом Греции.

В феврале 1830 г. на Лондонской конференции Греция была признана свободным и независимым государством. Жертвы и кровь, пролитая во время войны, принесли свои плоды, и в итоге страна была освобождена благодаря борьбе своих сыновей и дочерей¹⁸⁵.

2.2. Связь А. С. Пушкина с деятелями Греческой революции и его филэллинистические взгляды

Борьба греческого народа за независимость вызвала у Пушкина живой интерес, который является совершенно не очевидным, учитывая скромное место, занимаемое Грецией на европейской политической сцене, и малую вероятность того, что последствия Греческой революции могут как-нибудь повлиять на Россию. Несомненно, этот интерес отчасти вытекает из любви к древнегреческой культуре, отраженной в творчестве поэта. Однако, прежде всего, он объясняется влиянием окружавшей Пушкина среды, как прямым, так и опосредованным.

К непосредственному воздействию можно отнести влияние на мировоззрение поэта участников русских тайных обществ, будущих «декабристов», которых было немало в ближайшем дружеском окружении

---

¹⁸⁵*Βουρνάς Τάσος* Ιστορία της Νεώτερης και Σύγχρονης Ελλάδας (Новейшая история современной Греции). Σελ. 224.

поэта. Несмотря на то, что Пушкин не был членом движения декабристов, он разделял его идеалы, выступая, таким образом, в некоторой степени «певцом декабристского движения»¹⁸⁶.

Одним из наиболее значимых в декабристской идеологической программе был комплекс представлений о гражданских свободах¹⁸⁷. Идея свободы, на которую опирались как движение декабристов, так и Греческая революция, являлась ключевой и особенно важной для самого Пушкина. Он, как и декабристы, «ждал революции и приветствовал ее»¹⁸⁸. Вместе с этим, характерен был общий интерес поэта к освободительным движениям на Балканах. Соответственно борьба греческого народа за свободу, не могла не затронуть Пушкина. Уже тот факт, что современники не сомневались, что Пушкин собирается присоединиться к Греческой революции¹⁸⁹, говорит о значимости этого события для поэта.

Пушкина воодушевили новости о восстании в Греции¹⁹⁰. Греческое восстание оказалось довольно значительным для поэта событием, оказавшим влияние на его мировоззрение и отозвавшимся в творчестве, явившись, в частности, одним из факторов, обусловивших его отход от романтизма и байронизма¹⁹¹.

Нельзя не рассматривать интерес Пушкина к Греческой революции на фоне общей симпатии декабристов к греческому движению и русского филэллинизма. Либеральные круги русского общества всеми своими силами

---

¹⁸⁶Смирнов-Ульяновский В. А. Пушкин и декабристы // А. С. Пушкин. 1837—1937: Сборник статей и материалов. Саратов: Саратовское областное издательство, 1937. С. 70.

¹⁸⁷См.: Габов Г. И. Общественно-политические и философские взгляды декабристов. М.: Госполитиздат, 1954. С. 201.

¹⁸⁸Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Кн. 1: 1813–1824. С. 574.

¹⁸⁹См.: Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л.: Наука, 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837). С. 254; Селинов В. Пушкин и греческое восстание // Пушкин. Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Одесса: Одесский Дом ученых, 1926. Вып. 2. С. 11.

¹⁹⁰См.: Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1: 1813–1824. С. 463.

¹⁹¹См.: Свирин Н. Пушкин и греческое восстание // Знамя. 1935. №11. С. 14.

поддерживали борьбу греков за независимость¹⁹². Декабристы связывали греческое восстание с будущим либеральных реформ и с национальным обновлением внутри России¹⁹³. Филэллинистические чувства и интерес к освобождению греческого народа были яркими среди русских, и во многом опирались на их любовь к древнегреческой культуре¹⁹⁴.

Очень важную, если не решающую, роль в формировании интереса Пушкина к Греческой революции сыграло его знакомство с деятелями революции и членами Филики этерии, с филэллинами, а также с простыми представителями греческого народа. Эти личные связи привели не только к заинтересованности поэта Греческим восстанием, но и оказали влияние на его жизнь и дальнейшую судьбу.

Судьбоносным оказалось знакомство Пушкина с будущим политическим деятелем нового греческого государства И. Каподистрией. Они познакомились, когда в 1817 г. поэт был причислен к Коллегии иностранных дел¹⁹⁵, во главе которой стоял Каподистрия. В 1820 г. Каподистрия сыграл очень важную роль в смягчении наказания поэта, поскольку благодаря, в том числе его усилиям, Пушкина отправили в ссылку не на север или в Сибирь, как сначала предполагалось, а на юг¹⁹⁶.

Тот факт что, Каподистрия был непосредственным начальником Пушкина в Министерстве иностранных дел, послужил формальным

---

¹⁹²Φαρσόλας Ι. Δημήτριος Ο Αλέξανδρος Πούσκιν και η Ελληνική Επανάσταση 1821–1829 (Александр Пушкин и Греческая революция 1821–1829). Αθήνα: Φιλίστωρ, 2001. Σελ. 23.

¹⁹³Prousis C. T. Russian Philorthodox Relief During The Greek War Of Independence. University of North Florida: History Faculty Publications, 1985. P. 33.

¹⁹⁴Πάτσης Μιχάλης Αλέξανδρος Πούσκιν Μικρά ποιήματα (Александр Пушкин Небольшие Стихотворения), Αθήνα: Ατομική έκδοση, 2012. Σελ. 34.

¹⁹⁵Черейский Л. А. Современники Пушкина: Документальные очерки. 2-е изд., испр. и доп. М. : ОЛМА-пресс; СПб.: Нева Паритет, 1999. С. 105.

¹⁹⁶Αλεξανδρόπουλος Μήτσος Πέντε Ρώσοι κλασικοί (5 русских классиков). Αθήνα: Ελληνικά Γράμματα, 2006. Σελ. 55, Αυγητίδης Γ. Κώστας Αλέξανδρος Πούσκιν, Ο φιλέλληνας βάρδος του Εικοσιένα (Александр Пушкин, филэллин, бард, воспевший Греческую революцию). Αθήνα: Σύγχρονη Εποχή, 2004. Σελ. 24-25, Πάτσης Μιχάλης Αλέξανδρος Πούσκιν Μικρά ποιήματα (Александр Пушкин Небольшие Стихотворения). Σελ. 18, Φαρσόλας Ι. Δημήτριος Ο Αλέξανδρος Πούσκιν και η Ελληνική Επανάσταση 1821–1829 (Александр Пушкин и Греческая революция 1821–1829). Σελ. 28-29.

предлогом для его вмешательства в судьбу поэта. Однако, как отмечает М. Александропулос¹⁹⁷, в решении Каподистрии помочь поэту важную роль сыграло обещание самого Пушкина, данное им Н. М. Карамзину, что в течение года он не будет писать политических стихов. Образование, положение, которое он занимал в обществе, и проницательность Каподистрии сделали его самым подходящим человеком, чтобы ходатайствовать за Пушкина у Александра I. Несмотря на то что, что Каподистрия не симпатизировал оппозиционным настроениям поэта, он, тем не менее, решил ему помочь, поскольку признавал гениальность молодого Пушкина.

Приложенные Каподистрией усилия дали свои плоды и «ссылка была заменена служебным переводом Пушкина в Екатеринослав в распоряжение генерала И. Н. Инзова»¹⁹⁸. Такое решение было неслучайным, поскольку генерала Инзова соединяла с Каподистрией старая дружба. Таким образом, Каподистрии легче было следить за поступками и поведением молодого поэта. Пушкин должен был передать генералу Инзову правительственный документ, и остаться с ним вплоть до нового приказа. Важно отметить, что Каподистрия «выхлопотал решение о выдаче Пушкину 1000 рублей на дорожные расходы»¹⁹⁹.

Когда Пушкин ехал на юг, Каподистрия отправил с ним генералу Инзову официальное письмо. В этом письме²⁰⁰ Каподистрия кратко изложил историю русского поэта, особо подчеркивая талант Пушкина. По мнению Каподистрии Пушкин мог бы стать хорошим государственным служащим, ему пойдет на пользу временное отсутствие в Петербурге, и к тому же на юге он будет окружен людьми, которые будут подавать ему хороший пример.

---

¹⁹⁷ *Αλεξανδρόπουλος Μήτσος* Πέντε Ρώσοι κλασικοί (5 русских классиков). Σελ. 55.

¹⁹⁸ *Черейский Л. А.* Современники Пушкина. С. 106.

¹⁹⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников / Сост. и примеч. В. Э. Вацуро и др. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1. С. 505.

²⁰⁰ *Αλεξανδρόπουλος Μήτσος* Πέντε Ρώσοι κλασικοί (5 русских классиков). Σελ. 56-57, *Φαρσόλας Ι. Δημήτριος* Ο Αλέξανδρος Πούσκιν και η Ελληνική Επανάσταση 1821–1829 (Александр Пушкин и Греческая революция 1821–1829). Σελ. 30-32.

Письмо кончалось просьбой Каподистрии к генералу Инзову «принять Пушкина под свое покровительство и “благосклонное попечение”»²⁰¹. Через год граф отправил генералу Инзову второе письмо, с вопросами о Пушкине и его поведении. Инзов в ответ сообщил Каподистрии, что Пушкин ведет себя примерно и не участвует во вспыхнувших беспорядках. По просьбе генерала, Каподистрия выступил в роли посредника, обеспечив Пушкину ежемесячную зарплату в размере семисот рублей, такую же, как он получал в Петербурге до ссылки²⁰².

Отношения Каподистрии с Пушкиным отличались взаимным благородством. Каподистрия уважал талант поэта. Мнение русского поэта о графе выражено в письме Пушкина к Ф. Ф. Вигелю, в котором поэт пишет, что, Каподистрия «отличается величественным духом, щедростью и образцовой вежливостью. Он происходит из древней Греции и является современным Аристидом»²⁰³.

Годы, проведенные Пушкиным на юге, сыграли важную роль в его жизни и творчества. Именно там поэт познакомился с революционерами из разных балканских стран, боровшимися за свою свободу, а также с членами Южного общества, революционным влиянием которых он испытал²⁰⁴. Что касается творчества поэта, «в атмосферу национальных идей в литературе и политике Пушкин погрузился во время своего пребывания на юге...»²⁰⁵.

В 1820-е годы в Кишиневе не только находился центр революционной деятельности Филики этерии, но и процветала греческая община²⁰⁶, что обусловило знакомство Пушкина с множеством греков. Там Пушкин

---

²⁰¹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. С. 505.

²⁰² *Αυγητίδης Γ. Κώστας Αλέξανδρος Πούσκιν, Ο φιλέλληνας βάρδος του Εικοσιένα* (Александр Пушкин, филэллин, бард, воспевший Греческую революцию). Σελ. 27, *Αλεξανδρόπουλος Μήτσος Πέντε Ρώσοι κλασικοί* (5 русских классиков). Σελ. 60.

²⁰³ *Αυγητίδης Γ. Κώστας Αλέξανδρος Πούσκιν, Ο φιλέλληνας βάρδος του Εικοσιένα* (Александр Пушкин, филэллин, бард, воспевший Греческую революцию). Σελ. 25.

²⁰⁴ См.: *Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837). С. 271, 273, 464; *Смирнов-Ульяновский В. А.* Пушкин и декабристы. С. 58.

²⁰⁵ *Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837). С. 271.

²⁰⁶ *Φαρσόλας Ι. Δημήτριος Ο Αλέξανδρος Πούσκιν και η Ελληνική Επανάσταση 1821–1829* (Александр Пушкин и Греческая революция 1821–1829). Σελ. 36.

встретился с выдающимися греками, большинство из которых являлись членами Филики этерии. В доме князя Георгия Кантакузина Пушкин встречался, в том числе с князем А. М. Кантакузиным, с А. Стурдзой с В. Каввадиасом, с К. Пендадекой, и с К. Дукой²⁰⁷. По воспоминаниям И. П. Липранди, у него имели место регулярные встречи Пушкина с Пендадекой и Дукой, что доставляло ему большое удовольствие²⁰⁸. Кроме того, Пушкин впервые встретился с молдавским господарем М. Суцосом вместе с Пестелем в Кишиневе²⁰⁹. Среди знакомых поэта находились офицеры, торговцы, помещики, интеллигенты, выдающиеся политические и государственные деятели.

В Кишиневе русский поэт познакомился также с бессарабским гражданским губернатором К. Катакази и его семьей, с К. Ралли и его сестрой. Другие кишиневские знакомцы Пушкина были Скуфос и К. Стаматисом и П. Манегасом. Благодаря знакомствам с греками, связанными в преимуществе с Филики Этерией, русский поэт узнал о ее существовании и деятельности. Как отмечает К. Авгитидис, русский поэт познакомился в Кишиневе в общей сложности с 59 греками²¹⁰.

Наверняка самое важное из знакомств поэта, связанных с Греческой революцией, во время южной ссылки было с братьями Ипсиланти, с которыми он впервые встретился дома у князя Кантакузина. «Переписка поэта и мемуары современников свидетельствуют о частых встречах и беседах Пушкина с Ипсиланти и его братьями в Кишиневе»²¹¹. Пушкин оказался в фокусе событий и на протяжении всего его пребывания на юге

---

²⁰⁷*Πάτσης Μιχάλης* Αλέξανδρος Πούσκιν Μικρά ποιήματα (Александр Пушкин Небольшие Стихотворения). Σελ. 20, Φαρσόλας Ι. Δημήτριος Ο Αλέξανδρος Πούσκιν και η Ελληνική Επανάσταση 1821–1829 (Александр Пушкин и Греческая революция 1821–1829). Σελ. 37.

²⁰⁸*Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837). С. 274.

²⁰⁹См.: *Ари Г. Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: От Екатерины II до Николая I: Очерки. М.: Индрик, 2013. С. 226; *Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 1: 1813–1824. С. 588–589.

²¹⁰*Αυγητίδης Γ. Κώστας* Αλέξανδρος Πούσκιν, Ο φιλέλληνας βάρδος του Εικοσιένα (Александр Пушкин, филэллин, бард, воспевший Греческую революцию). Σελ. 31.

²¹¹*Черейский Л. А.* Современники Пушкина: Документальные очерки. С. 130.

«был свидетелем подготовки к греческому восстанию в дунайских княжествах»²¹².

В рамках этой подготовки была создана по инициативе А. Ипсиланти и других членов Этерии армия, состоявшая из пятисот греческих добровольцев, под названием «Священный отряд». Сотни греков из всей России, но в основном из Одессы, бежали в Кишинев, который был охвачен военной лихорадкой. В Бессарабии Пушкин следил за греками, которые собирались напасть на турок. Позднее, в десятой главе «Евгения Онегина» появятся строки, в которых упоминается, среди других революционных событий эпохи, и борьба греков за независимости под руководством Ипсиланти:

Тряслися грозно Пиренеи —
Волкан Неаполя пылал,
Безрукий князь друзьям Мореи
Из Кишинева уж мигал.²¹³

В 1821 г. Ипсиланти, заняв Яссы, призвал всех греков к восстанию против турецкого ига. Эта новость, воодушевившая Пушкина, нашла отражение в его письмах, дневниках и стихотворениях. В марте этого года он пишет по этому поводу: «Первый шаг Ал<ександра> Ипсиланти прекрасен и блистателен. Он счастливо начал — отныне и мертвый или победи<тель> п<рин>адлежит истории — 28 лет, оторванная рука, цель великодушная! — завидная участь»²¹⁴.

Показательной является запись поэта в кишиневском дневнике, где он описывает свою встречу с гречанкой 2 апреля 1821 г. Как отмечает Пушкин, только он «один говорил, как грек...», несмотря на то, что он был единственным иностранцем среди греков. Только русский поэт, среди разочарованных в революции греков, был уверен, «что Греция восторжествует, и 2 500 000 турков оставят цветущую страну Эллады

---

²¹²Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1: 1813–1824. С. 459.

²¹³Акад. Т. 6. С. 523.

²¹⁴Акад. Т. 13. С. 24.

законным наследникам Гомера и Фемистокла»²¹⁵. Стоит отметить, что Пушкин был один их первых в Европе, который предсказал важности восстания членов Филики этерии для дунайских княжеств²¹⁶.

9 апреля того же года Пушкин сообщает, что он узнал от Д. Ипсиланти, что «греки перешли через Дунай и разбили корпус неприятельский»²¹⁷. Ровно через месяц в его заметках упоминается письмо, отправленное Ипсиланти с французским офицером, который собирался стать членом армии Филики этерии. Содержание письма неизвестно, но есть вероятность того, что в нем было отражено желание поэта участвовать в восстании гетеристов²¹⁸.

Прийти к такому выводу позволяет переписка поэта. В письме к Дельвигу от 23 марта 1821 г., он пишет: «Недавно приехал в Кишинев и скоро оставляю благословенную Бессарабию — есть страны благословеннее»; в его письме к Гнедичу от 24 марта того же года: «Не скоро увижу я вас; здешние обстоятельства пахнут долгой, долгою разлукой»; к С. И. Тургеневу: «Но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня в Бессарабии»²¹⁹. С этой вероятностью тесно связаны и слухи о том, что Пушкин убежал к восставшим грекам, ходившие в то время в Петербурге²²⁰. Желание поэта внести свой вклад в восстание гетеристов еще более

---

²¹⁵Там же. Т. 12. С. 302.

²¹⁶*Αυγητίδης Γ. Κώστας* Αλέξανδρος Πούσκιν, Ο φιλέλληνας βάρδος του Εικοσιένα (Александр Пушкин, филэллин, бард, воспевший Греческую революцию). Σελ. 46.

²¹⁷*Селинов В.* Пушкин и греческое восстание. С. 10.

²¹⁸См.: *Свирин Н.* Пушкин и греческое восстание. С. 214, *Ιλίνσκαγια Σόνια* Η ελληνική επανάσταση του 1821 στον καθρέφτη της ρωσικής ποίησης (Греческая революция 1821 года в зеркале русской поэзии). Αθήνα: Βιβλιοπωλείον της Εστίας, 2001. Σελ. 12, *Αυγητίδης Γ. Κώστας* Αλέξανδρος Πούσκιν, Ο φιλέλληνας βάρδος του Εικοσιένα (Александр Пушкин, филэллин, бард, воспевший Греческую революцию). Σελ. 47, *Φαρσόλας Ι. Δημήτριος* Ο Αλέξανδρος Πούσκιν και η Ελληνική Επανάσταση 1821–1829 (Александр Пушкин и Греческая революция 1821–1829). Σελ. 46, *Πάτσης Μιχάλης* Αλέξανδρος Πούσκιν Μικρά ποιήματα (Александр Пушкин Небольшие Стихотворения). Σελ. 254.

²¹⁹Акад. Т. 13. С. 26, 28, 32.

²²⁰См.: *Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 1: 1813–1824. С. 463.

отчетливо видно на примере его попытки связываться с русскими филэллинами Франции²²¹.

Главным источником информации о событиях, связанных с походом Ипсиланти являлись участники Скулянского сражения, которых Пушкин впервые встретил в 1821 г. в Кишиневе. О них поэт пишет Вяземскому 5 апреля 1823 г.: «Не завернешь ли по дороге в Кишинев? я познакомлю тебя с героями Скулян и Секу, сподвижниками Иордаки...»²²². Битва под Скулянами была одной из последних битв греческих революционеров в Дунайских княжествах против войск Османской империи, после сражения у Драгошан Ипсиланти оставил армию и бежал в Австрию.

Вместе с этим исчез и восторженный тон, в котором Пушкин говорил об Ипсиланти и его восстании. Далее, в повести «Кирджали» (1834) он напишет о нем: «Александр Ипсиланти был лично храбр, но не имел свойств, нужных для роли, за которую взялся так горячо и так неосторожно. Он не умел сладить с людьми, которыми принужден был предводительствовать. Они не имели к нему ни уважения, ни доверенности»²²³. Сказанным, разумеется, не умаляется важность Ипсиланти для русского поэта. Личность руководителя Греческой революции интересовала Пушкина и в дальнейшем. «Еще в Кишиневе он собирался написать поэму о походе Ипсиланти и набросал краткий план, использованный им позднее повести»²²⁴. Это была повесть «Кирджали», в которой упоминаются как Ипсиланти, так и битва под Скулянами.

Помимо революционеров и членов Филики этерии, Пушкин завел знакомства и с другими представителями греческого народа, например с гречанкой Калипсо Полихрони, о писал Вяземскому 5 апреля 1823 г.: «Не завернешь ли по дороге в Кишинев? я познакомлю тебя <...> с гречанкою,

---

²²¹ *Ανυψίδης Γ. Κώστας* Αλέξανδρος Πούσκιν, Ο φιλέλληνας βάρδος του Εικοσιένα (Александр Пушкин, филэллин, бард, воспевший Греческую революцию). Σελ. 47.

²²² Акад. Т. 13. С. 61; см. также: *Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 1: 1813–1824. С. 464; *Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837). С. 273.

²²³ Акад. Т. 8. С. 255.

²²⁴ *Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837). С. 275.

которая целовалась с Байроном»²²⁵. Гречанка и Байрон олицетворяли для Пушкина идеал: Байрон – идеал героизма борьбы за свободу, а гречанка – идеал красоты²²⁶. Калипсо русский поэт посвятил послание «Гречанке», а также, возможно, стихотворение «Иностранке».

Примечательным является и отношение поэта к Родуле Софиану²²⁷. Она была восьмилетней дочкой погибшего в сражении под Скулянами грека, которая воспитывалась в Кишиневе у Катерины Крупенской, жены бывшего вице-губернатора Бессарабии. Пушкин упоминал ее в письмах, и просил о предоставлении ей убежища, поскольку она была племянницей русского полковника, и соответственно могла бы считаться дворянкой. Русский поэт снова поднимает вопрос о Родуле Софиану в октябре—ноябре 1824 г. в письмах к Жуковскому, обращаясь с просьбой устроить ее в какое-нибудь закрытое учебное заведение, особо подчеркивая ее бедное состояние и указывая, что она является «дочерью героя». О судьбе греческой сироты ничего не известно, но, несомненно, интерес поэта к ее судьбе свидетельствует о его сочувствии к человеческой боли, и его восхищении героями Греции.

После почти трехлетнего пребывания в Кишиневе, Пушкин переезжает в Одессу под начало генерала М. С. Воронцова. В то время Одесса была европейским многонациональным городом, в котором находилось, в том числе множество греков. Вклад этих людей в экономическое и культурное развитие Одессы особо значим, а в национально-освободительную борьбу неоценим. Существование греческого элемента в городе было очевидным, о чем свидетельствует наличие Греческой улицы и Греческого базара. Эти названия объясняются тем, что там продавцы и владельцы магазинов были по преимуществу греки. На Греческой улице находился ресторан И. Димитраки, где Пушкин часто бывал по вечерам с друзьями. Кроме того, он ежедневно

---

²²⁵Акад. Т. 13. С. 61.

²²⁶*Αυγητίδης Γ. Κώστας* Αλέξανδρος Πούσκιν, Ο φιλέλληνας βάρδος του Εικοσιένα (Александр Пушкин, филэллин, бард, воспевший Греческую революцию). Σελ. 51.

²²⁷Там же. С. 49-50.

посещал прибрежную усадьбу торговца А. Феогности²²⁸. В Одессе русский поэт встречался с графиней Роксандрой Эдлинг, которая активно участвовала в борьбе греков за независимость, предоставляя им денежные средства, и ее братом Александром Стурдзой. Пушкин еще познакомился с очень известным дипломатом и историком того времени К. Базили, и с Морали, которого он упомянул в «Евгении Онегине».

На улицах Одессы поэт видел многих греческих офицеров и солдат, бежавших после поражения гетеристов в Одессу и в другие города южной России. Помимо офицеров и этеристов в Одессу эмигрировало и множество простых греков, чьи имена до нас не дошли. Как отмечает К. Авгитидис²²⁹, в это время число солдат, бежавших в Кишинев, достигло 3000, а в Одессу 2000. Уже к 1817 г. греки составляли 5% одесского населения²³⁰.

В развитие филэллинизма Пушкина, несомненно внесло вклад и его знакомство с творчеством самого известного в Греции представителя европейского филэллинизма лорда Байрона. Знакомство Пушкина с произведениями Байроном началось в 1820 г. с чтения в Гурзуфе с помощью Николая Раевского некоторых его произведений, в частности, возможно, и прочтенного поэтом позднее полностью во французском переводе «Паломничество Чайльд-Гарольда», в котором ярко изображена Греция²³¹.

2.3. Письма А. С. Пушкина о Греческой революции

Об интересе Пушкина к греческому восстанию свидетельствуют составленные им в декабре 1821 – феврале 1822 г. и сохранившиеся в его бумагах французские «Заметка о революции Ипсиланти» («Note sur la

---

²²⁸*Αυγητίδης Γ. Κώστας* Αλέξανδρος Πούσκιν, Ο φιλέλληνας βάρδος του Εικοσιένα (Александр Пушкин, филэллиин, бард, воспевший Греческую революцию). Σελ. 68.

²²⁹Там же. Σελ. 72.

²³⁰См.: *Αρσι Γ. Λ.* Россия и борьба Греции за освобождение: От Екатерины II до Николая I: Очерки. С. 100.

²³¹См.: *Λοτμαν Ю. Μ.* Пушкин. СПб.: Искусство–СПб., 1995. С. 61; *Πάτσης Μιχάλης* Αλέξανδρος Πούσκιν Μικρά ποιήματα (Александр Пушкин Небольшие Стихотворения). Σελ. 187.

révolution d'Ipsylanti») и «Заметка о Пендадеке» («Note sur Penda-Déka»)²³². Обе заметки представляют собой запись сведений о Греческой революции, которые Пушкин мог получить в Кишиневе от ее непосредственных участников. В «Заметке о революции Ипсиланти» Пушкин упоминает прокламацию, изданную Ипсиланти перед его бегством из армии. В этой прокламации, помимо похвал членам «Священного отряда» Ипсиланти, писал о малодушии и боязливости некоторых солдат, давая им характеристику «предателей»²³³. Наверняка эта прокламация была Пушкину известна и сыграла важную роль в его оценке греческих событий, сделанной позднее, в так называемых «письмах о Греческой революции».

В этих письмах получили широкое отражение так события, непосредственно связанные с революцией, как и мнение самого поэта о них. Данные письма имеют большую значимость для разъяснения отношения Пушкина к греческим делам, поскольку в них в первый и последний раз поэт откровенно выразил свое мнение не только насчет революции, но и насчет самих ее участников-греков. Этими письмами важны также для решения вопроса о филэллинистических чувствах поэта²³⁴.

Среди писем Пушкина, существуют три письма, посвященных Греческой революции, и событиям, связанным с ней. Все письма датируются по хронологии событий, которые в них описаны; их адресаты установлены предположительно. Первое письмо относится к первой половине марта 1821 г., то есть ко времени самого начала революции. Следующие два письма датируются одинаково: июнь 1823 – июль 1824 года. В отличие от двух первых писем, написанных на русском языке, третье письмо написано по-французски.

---

²³²См.: Акад. Т. 12. С. 190—191.

²³³*Πάτσης Μιχάλης* Αλέξανδρος Πούσκιν Μικρά ποιήματα (Александр Пушкин Небольшие Стихотворения). Αθήνα: Ατομική έκδοση, 2012. Σελ. 211.

²³⁴См.: *Селинов В.* Пушкин и греческое восстание // Пушкин. Статьи и материалы под ред. М. П. Алексева. Одесса: Одесский Дом ученых. 1926. Вып. 2. С. 19.

В работе Я. Л. Левкович²³⁵ дан анализ существующих в пушкиноведении гипотез относительно адресатов этих писем. Первым публикатором писем и первым, кто попытался установить их адресатов, был П. В. Анненков²³⁶. Таким образом, первое письмо содержательно соотносится со стихотворным посланием «Меж тем как генерал Орлов...», которое «можно рассматривать как дополнительную реплику²³⁷» к нему, и, соответственно, как и послание, скорее всего, адресовано В. Л. Давыдову.

Как отмечает Я. Л. Левкович, «первое письмо рисует начало революционных действий и вождя революции Ипсиланти в восторженно-романтических тонах»²³⁸. В начале первого письма поэт подчеркивает, что события, о которых пойдет речь, являются исключительно важными, не только для самой Греции, но и для России и Европы в целом. Вместе с этим, поэт подробно излагает обстоятельства начала Греческой революции и в конце письма упоминает тайное общество Филики Этерия, с некоторыми из членов которого он лично познакомился во время своего пребывания в Кишиневе. Стоит отметить, что в письме даже указано число погибших турок и греков, вместе с числом добровольцев, записавшихся в греческое войско. Кроме того, поэт описывает зрелище, свидетелем которого он был в Одессе и которое произвело на него сильное впечатление: «...В лавках, на улицах, в трактирах везде собирались толпы греков, все продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты, все говорили об Леониде, об Фемистокле, все шли в войско счастливца Ипсиланти»²³⁹. В центре внимания Пушкина в этом письме, несомненно, находится фигура вождя греческой революции – А. Ипсиланти. Поэт рисует романтический образ Ипсиланти, и

---

²³⁵Левкович Я. Л. Три письма Пушкина о Греческой революции 1821 года // Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1987. Вып. 21 С. 16–23.

²³⁶См: Там же. С. 16.

²³⁷Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988. С. 260.

²³⁸Левкович Я. Л. Три письма Пушкина о Греческой революции 1821 года. С. 18.

²³⁹Акад. Т. 13. С. 23.

подробно описав его действия при начале революции, дает ему положительную оценку.

Политическая ситуация менялась и вместе с ней исчез и восторженный тон Пушкина в описании греческого восстания и самих греков. Первые скептические нотки звучал уже в стихотворном послании «<В. Л. Давыдову>» («Меж тем как генерал Орлов...»). Несмотря на то, что оно было написано примерно через месяц после первого письма, в нем «происходящие события даются уже под другим углом зрения»²⁴⁰, в соответствии с несколько иной политической ситуацией, не только в Греции, но и в Европе: была подавлена революция в Испании и восстание Ипсиланти в Дунайских княжествах не получило ожидаемой военной поддержки со стороны России. Как отмечает Я. Л. Левкович, «поражение европейских революционных движений, не поддержанных народом, принесло Пушкину глубокое разочарование»²⁴¹, что и привело к изменению точки зрения в его подходе к греческим делам.

На фоне такой политической ситуации были написаны следующие два письма о Греческой революции. Второе письмо, как и первое, адресовано В. Л. Давыдову. Я. Л. Левкович устанавливает как адресата третьего письма А. Раевского²⁴², который проявлял живой интерес к греческим делам. Во втором письме к В. Л. Давыдову Пушкин оправдывается за какие-то свои высказывания о греках, которые были неверно «перетолкованы» адресату: «С удивлением слышу я, что ты считаешь меня врагом освобождающейся Греции и поборником турецкого рабства»²⁴³. Изменение мнение поэта о греках могло удивить В. Л. Давыдова, учитывая тот факт, что он был адресатом первого письма о Греческой революции, в котором Пушкин с

---

²⁴⁰Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкин. С. 259.

²⁴¹Там же. С. 102.

²⁴²В Акад. (Т. 13. С. 105) третье письмо адресовано также В. Л. Давыдову. Аргументацию в пользу А. Н. Раевского см.: Левкович Я. Л. Три письма Пушкина о Греческой революции 1821 года. С. 21–23.

²⁴³Акад. Т. 13. С. 104.

восторгом описал начало революции, давая грекам, особенно Ипсиланти, положительную оценку.

Вера Пушкина в удачу революции и в самых греков была подорвана неудачами греков в поле боя, и отсутствием единства в их рядах. В связи с этим Пушкин пишет: «Люди по большей части самолюбивы, беспонятны, легкомысленны, невежественны, упрямы; старая истина, которую все-таки не худо повторить...»²⁴⁴. Стоит отметить, что несмотря на то, что Греческая революция являлась борьбой за независимость против турецкого ига, греки вели борьбу и между собой, поскольку среди воевавших за свободу греков существовали классовые и идеологические различия. Как отмечает Д. Фарсолас, несомненно, между греками отсутствовало единство и существовали разногласия, однако эти разногласия не выходили за рамки обычных человеческих слабостей в период национальных беспорядков, тем более, в период борьбы нации за свою независимость²⁴⁵. Европейским филэллинам было трудно понять и адекватно оценить расстановку сил и внутреннюю ситуацию среди восставших греков.

Прежде чем приступить к анализу третьего письма, предьявляется нужным, упомянуть письмо Пушкина П. А. Вяземскому от 24–25 июня 1824 г. в котором Пушкин пишет: «Греция мне огадила. О судьбе греков позволено рассуждать, как о судьбе моей братьи негров, можно и тем и другим желать освобождения от рабства нестерпимого. Но чтобы все просвещенные европейские народы бредили Грецией — это непростительное ребячество»²⁴⁶. Он говорит о греках как о недостойных наследниках древнегреческих героев: «Иезуиты натолковали нам о Фемистокле и Перикле, а мы вообразили, что пакостный народ, состоящий из разбойников и лавочников, есть законнорожденный их потомок и наследник их школьной

---

²⁴⁴Там же

²⁴⁵*Φαρσόλας Ι. Δημήτριος*. Ο Αλέξανδρος Πούσκιν και η Ελληνική Επανάσταση 1821–1829 (Александр Пушкин и Греческая революция 1821–1829). Αθήνα: Φιλίστωρ, 2001. Σελ. 62.

²⁴⁶Акад. Т. 13. С. 99.

славы. Ты скажешь, что я переменял свое мнение. Приехал бы ты к нам в Одессу посмотреть на соотечественников Мильтиада и ты бы со мною согласился»²⁴⁷.

В этом письме речь о том, что Пушкину опротивела тема Греции, потому что современные ему греки преподносятся как античные герои, и предполагается, что все должны ими восхищаться. Однако сам Пушкин считает, что на самом деле современные греки совершенно на древних героев не похожи. Он судит по тем грекам, которых он видит в Одессе, иными словами по самым простым и низменным людям. В сущности, поэт пишет не о стране и даже не столько о людях, сколько о своей реакции на обсуждение греческой темы в русском обществе. У европейской интеллигенции сложились неправильные ожидания, которые не соответствовали реальности. Произошло столкновение ожиданий и реальности, и неоправдывающиеся высокие изначальные требования к грекам стали раздражать Пушкина. По замечанию Д. Фарсоласа, Пушкин, как и другие филэллы того времени, не мог осознать то, что тогдашние условия жизни сильно отличались от тех, которые существовали в классической древности²⁴⁸.

По словам Я. Л. Левкович, «весьма нелестную характеристику греков мы как раз и находим в письме, которое печатается как третье»²⁴⁹. В этом письме Пушкин пишет о греческих беженцах в Кишиневе и в Одессе, с несколькими из которых, он имел возможность познакомиться. Пушкин насмешливо называет их «новыми Леонидами» и удостоверяет их «полное ничтожество». Он отмечает, что у них нет «ни малейшего понятия о военном деле, никакого представления о чести, никакого энтузиазма»²⁵⁰. Что касается военных знаний греков, то, как отмечает К. Авгитидис, людям, которые жили

---

²⁴⁷ Там же

²⁴⁸ *Φαρσόλας Ι. Δημήτριος* Ο Αλέξανδρος Πούσκιν και η Ελληνική Επανάσταση 1821–1829 (Александр Пушкин и Греческая революция 1821–1829). Σελ. 63.

²⁴⁹ *Левкович Я. Л.* Три письма Пушкина о Греческой революции 1821 года. С. 20.

²⁵⁰ *Акад. Т. 13.* С. 105.

400 лет под османским игмом, невозможно было обладать такими знаниями²⁵¹. Что касается отсутствия энтузиазма, то, по мнению того же К. Авгитидиса, энтузиазм первого революционного времени, действительно, уменьшился после поражения восстания Ипсиланти в Дунайских княжествах и ряда поражений греков²⁵².

В конце третьего письма «поэт с горячим сочувствием пишет о “деле” освобождения Греции и негодует по поводу того, что оно находится в недостойных руках»²⁵³. Как отмечает Б. В. Томашевский, «в 1824 г., Пушкин утратил значительную долю романтизма в своем отношении к грекам, хотя иногда не отрекался от сочувствия к народу, ведущему борьбу за свое освобождение»²⁵⁴. Однако, справедливо отмечает М. Александропулос, «реалист или романтик, Пушкин был поэтом и филэллином»²⁵⁵.

2.4. Стихотворения А. С. Пушкина, посвященные Греческой революции

Греческая революция, вызывавшая в русском обществе единодушное сочувствие, не могла не отразиться в русской поэзии. Начало греческих событий совпало с моментом максимального подъема революционной борьбы в посленаполеоновской Европе: революционные выступления в Неаполе, Пьемонте, Португалии, Испании. Именно в этом общеевропейском революционном контексте формировались общие контуры греческой поэтической темы:

Века шагают к славной цели;
Я вижу их: они идут!
Уставы власти устарели;
Проснулись, смотрят и встают
Доселе спавшие народы:

---

²⁵¹ *Αυγητίδης Γ. Κώστας* Αλέξανδρος Πούσκιν, Ο φιλέλληνας βάρδος του Εικοσιένα (Александр Пушкин, филэллин, бард, воспевший Греческую революцию). Σελ. 75.

²⁵² Там же

²⁵³ *Левкович Я. Л.* Три письма Пушкина о Греческой революции 1821 года. С. 21.

²⁵⁴ *Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 1: 1813–1824. С. 590.

²⁵⁵ *Αλεξανδρόπουλος Μήτσος.* Πέντε Ρώσοι κλασικοί (5 русских классиков). Αθήνα: Ελληνικά Γράμματα, 2006. Σελ. 70.

О радость! грянул час, веселый час Свободы!
(В. К. Кюхельбекер. «К Румью!»)²⁵⁶

Но Греция встает из гроба
И рвется, с силой, из оков!
Чья кровь мутит Эгейски воды?
Туда внимание, народы:
Там, в бурях, новый зиждут мир!
(Ф. Н. Глинка. «Судьба Наполеона»)²⁵⁷

В следующие несколько лет греческая тема, утвердившись в основном в поэзии околосафьянских кругов — «К Ахатесу» (1821) и «Пророчество» (1822) В. К. Кюхельбекера; «Греция» (1822) О. М. Сомова; «Греческая ода. (Песнь греческого воина)» (1823) и «Греция. Два сонета» (1825) В. И. Туманского и др., — аккумулировала в себе освободительные и тираноборческие мотивы. Тема поработанной, «уснувшей», и современной, «воскресшей» и вспомнившей былую славу Греции в декабристской поэзии (К. Ф. Рылеев, В. Ф. Раевский) имела параллель с русской исторической темой — воспеванием славного прошлого Новгородской республики, также требующего своего «воскрешения». Эти мотивы вместе с широкими ассоциациями современной Греции с античной Элладой и апелляциями к ее былой славе определили и своего рода поэтические константы греческой темы.

Насколько сильны были античные ассоциации показывает опыт Кюхельбекера, попытавшегося в «Пророчестве» решить греческую тему в стилистике духовной поэзии²⁵⁸. «...Что за чудак! — откликнулся на это Пушкин. — Только в его голову могла войти жидовская мысль воспеть Грецию, великолепную, классическую, поэтическую Грецию, Грецию, где

---

²⁵⁶Кюхельбекер В. К. Соч. Л.: Худож. лит., 1989. С. 57. Написано между мартом и августом 1821 г. 8 августа 1821 г. было прочитано В. И. Туманским на заседании Вольного общества любителей российской словесности. При жизни Кюхельбекера осталось неопубликованным.

²⁵⁷Глинка Ф. Н. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 206. Впервые: Сын отечества. 1821. № 41.

²⁵⁸Следует при этом иметь в виду, что переложения псалмов в русской поэзии имели традиционно политическое звучание.

все дышит мифологией и героизмом — славяно-русскими стихами, целиком взятыми из Иеремия. Что бы сказал Гомер и Пиндар?»²⁵⁹.

Первым из пушкинских стихотворений, так или иначе связанных с современными греческими событиями, стала написанная 29 ноября 1821 г. элегия «Война» («Война! Подъяты наконец...»). Высказывалось мнение, что стихотворение связано с намерением поэта «бежать в греческую армию»²⁶⁰. По мнению М. Александропулоса, стихотворение «Война» описывает романтический порыв воина, который наконец-то видит, что может осуществить свое горячее желание, то есть, начать борьбу с тираном²⁶¹. Как отмечает Д. Фарсолас²⁶², это стихотворение имеет прямое отношение к сложным, сильным и противоречивым чувствам, пережитым поэтом в то время. Пушкин хорошо знал, что если он окажется в рядах армии Ипсиланти, он сделает очень важный шаг, и его поэтическая эволюция решительно изменится.

Желание воевать на стороне Греков звучит, например, в стихотворении Кюхельбекера «К Ахатесу»:

Ахатес, Ахатес! ты слышишь ли глас,
Зовущий на битву, на подвиги нас? —
Мой пламенный юноша, вспрянь!
О друг, полетим на священную брань!

Кипит в наших жилах веселая кровь,
К бессмертью, к свободе пылает любовь,
Мы смелы, мы молоды: нам
Лететь к Марафонским, святым знаменам!²⁶³

Стихотворение же Пушкина вызвано не желанием «ускользнуть к грекам»²⁶⁴, а ожиданием собственно русско-турецкой войны, поскольку идея,

---

²⁵⁹ Акад. Т. 13. С. 45.

²⁶⁰ См.: *Томашевский Б. В.* Из пушкинских рукописей // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 16–18. С. 304.

²⁶¹ *Αλεξάνδρου Πούσκιν Μήτσος* Πέντε Ρώσοι κλασικοί (5 русских классиков). Σελ. 65.

²⁶² *Φαρσόλας Ι. Δημήτριος* Ο Αλέξανδρος Πούσκιν και η Ελληνική Επανάσταση 1821–1829 (Александр Пушкин и Греческая революция 1821–1829). Σελ. 39.

²⁶³ *Κюхельбекер Β. Κ.* Соч. С. 55–56.

что Россия, вне всякого сомнения, должна была бы поддержать греческую сторону при любом ухудшении взаимоотношений между греками и турками, сформировалась в русском сознании за долгие годы до начала освободительного движения²⁶⁵. Своеобразие пушкинского художественного решения очевидно хотя бы из сравнения с написанным на ту же поэтическую тему стихотворением Рылеева «А. П. Ермолову» (1821):

Наперсник Марса и Паллады!
Надежда сограждан, России верный сын,
Ермолов! Поспеши спасти сынов Эллады,
Ты, гений северных дружин!
Узрев тебя, любимец славы,
По манию твоей руки,
С врагами лютыми, как вихрь, на бой кровавый
Помчатся грозные полки —
И, цепи сбросивши панического страха,
Как феникс молодой,
Воскреснет Греция из праха
И с древней доблестью ударит за тобой!..
Уже в отечестве потомков Фемистокла
Повсюду подняты свободы знамена,
Геройской кровию земля промокла
И трупами врагов удобрена!
Проснулись вздремавшие перуны,
Отвсюду храбрые текут!
Теки ж, теки и ты, о витязь юный,
Тебя все ратники, тебя победы ждут...²⁶⁶

В пушкинской элегии Греция вообще не упоминается. В центре — внутренние переживания лирического героя, которому присуще горячее желание принять участие в предстоящих сражениях и битвах, в душе которого нет места для страха, поскольку она наполнена радостным

---

²⁶⁴Именно такие слухи распространялись тогда по Москве. См. письмо М. П. Погодина к В. Д. Корнильеву от 11 августа 1821 г. — *Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. / Н. П. Барсуков. - СПб.: Погодин и Стасюлевич, 1888. Кн. 1 С. 109.*

²⁶⁵См.: АПСС. Т. 2, кн. 2. С. 660–666, примеч. Е. О. Ларионовой, Н. Г. Охотина и С. Б. Федотовой.

²⁶⁶*Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1971. С. 69.* Стихотворение при жизни Рылеева не было опубликовано. Пушкин вряд ли мог быть знаком с его текстом.

возбуждением участия в сражении, но для которого сама война в первую очередь — событие, выводящее из душевного усыпления, источник поэтического вдохновения:

И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурных ополчений,
Тревоги стана, звук мечей
И в роковом огне сражений
Паденье ратных и вождей!
Предметы гордых песнопений
Разбудят мой уснувший гений.²⁶⁷

Следующее стихотворение «Гречанка верная! не плач — он пал героем...» осталось незавершенным. Как отмечает К. Авгитидис, Пушкин посвятил стихотворение «Гречанка верная!» памяти неизвестного греческого героя, который пал за свободу и независимость своей страны в Скулени. Оно было написано после битвы под Скулянами и под прямым впечатлением от событий восстания греков. В нем Пушкин не только превозносит военные достижения греков, но и выражает свои глубокие филэллинистические чувства²⁶⁸. Сведения о сражении под Скулянами поэт получил от своего друга В. П. Горчакова, который был командирован русским военным командованием в Скулень для сбора сведений²⁶⁹. Вернувшись в Кишинев, Горчаков дал Пушкину подробное описание событий данной битвы и героического сопротивления греков. Однозначно связать стихотворение со Скулянским делом не позволяет, тем не менее, его более поздняя датировка — предположительно октябрём 1822 — октябрём 1823 г. Для этого периода характерна волна филэллинистических чувств по всей Европе, вызванная Хиосской резней 1822 г.²⁷⁰

---

²⁶⁷ АПСС. Т. 2, кн. 2. С. 59.

²⁶⁸ *Αυγιτίδης Γ. Κώστας* Αλέξανδρος Πούσκιν, Ο φιλέλληνας βάρδος του Εικοσιένα (Александр Пушкин, филэллин, бард, воспевший Греческую революцию). Σελ. 112.

²⁶⁹ *Φαρσόλας Ι. Δημήτριος* Ο Αλέξανδρος Πούσκιν και η Ελληνική Επανάσταση 1821–1829 (Александр Пушкин и Греческая революция 1821–1829). Σελ. 47.

²⁷⁰ См.: АПСС. Т. 2, кн. 2. С. 888, примеч. А. С. Лобановой и Г. Е. Потаповой.

Лирический герой данного стихотворения – храбрый воин, павший за свободу своей страны. Поэт сравнивает смерть лирического героя с подвигом молодого Аристокитона, вместе с Гармодием убившего тирана древних Афин – Гиппарха. Выбор Аристокитона не случаен, поскольку его имя связано с борьбой за свободу и демократию, олицетворением которых он и стал в литературной традиции. В стихотворении поэт утешает гречанку, оплакивающую мужа и, в то же время, прославляет воина, который погиб ради «великого, святого дела». По мнению М. Пациса, стихотворение отражает знания поэта в области древнегреческой культуры, поскольку в нем есть четкое указание на то, как сражались спартанцы, и на кодекс чести этого полиса, согласно которому, тот, кто принимает стрелу в грудь – храбрый воин, а смерть того, кто повернулся спиной к врагу – бесчестная²⁷¹. Помимо этого, в сцене расставания воина с женой, можно видеть отсылку к сцене прощания Гектора с Андромахой из шестой песни «Илиады» Гомера²⁷². Существующие в стихотворении два временных плана, настоящее и прошлое, в какой-то момент объединяются: история воспроизводится и Греция снова должна выйти победителем в борьбе за свою свободу.

Греческим событиям посвящен также черновой набросок «Восстань, о Греция, восстань...» 1829 г. В этот момент внимание Европы было приковано к Адрианополю, где решалась судьба Греции. Оттоманская империя после восьмилетней решительной борьбы греков против нее, и в результате русско-турецкой войной 1828–1829 гг., вынуждена была признать независимость Греции. Как отмечает Д. Фарсолас, Пушкин считал, что судьба Греции была навсегда решена Адрианопольским миром, в связи с которой он и начал работу над стихотворением «Восстань, о Греция, восстань...». Стихотворение написано в тоне и стиле военного пеана Ригаса Велестинлиса (ок. 1753 или

---

²⁷¹*Πάσης Μιχάλης Αλέξανδρος Πούσκιν Μικρά ποιήματα* (Александр Пушкин Небольшие Стихотворения). Σελ. 250.

²⁷²См.: АПСС. Т. 2, кн. 2. С. 888.

1757 – 1798), переведенного на русский язык Н. И. Гнедичем²⁷³. Подчеркивая роль революционных песен, таких как песня расстрелянного турками Ригаса, которые вдохновляли греков в их борьбе за свободу, Пушкин сближает древнюю республиканскую Грецию и Грецию современную:

При пенье пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги
Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги.²⁷⁴

По мнению К. Авгитидиса, стихотворение воспекает упорную и кровавую борьбу греческого народа с огромными потерями и жертвами, которая привела к независимости страны²⁷⁵. Борьбу греков за независимость русский поэт связывает с историей древней Греции. Настоящее сочетается с прошлым, к которому отсылают Олимп, Фермопилы, «гроб Перикла», «мраморные Афины». Отдельного внимания заслуживает упоминание Фермопил, поскольку этот топоним навсегда связан с понятиями, прежде всего жертвенности, но также борьбы и свободы.

«Гречанка верная! не плач — он пал героем...» и «Восстань, о Греция, восстань» — два единственные стихотворения, полностью укладывающиеся в те рамки греческой темы, которые определились в русской поэзии. Оба они не были завершены. Как видим, современная греческая тема не нашла широкого отклика в поэзии Пушкина. Объяснений этому надо искать, думается, не в отсутствии у поэта интереса к событиям в Греции или сочувствия Греческой революции, но в том, что Пушкин всегда избегал писать на «злободневные» темы, вызывавшие более или менее массовый поток поэтической продукции. В свое время он таким же образом отклонил настойчивые призывы друзей воспеть смерть Байрона, но посвятил

---

²⁷³ *Φαρσόλας Ι. Δημήτριος* Ο Αλέξανδρος Πούσκιν και η Ελληνική Επανάσταση 1821–1829 (Александр Пушкин и Греческая революция 1821–1829). Σελ. 66.

²⁷⁴ Акад. Т. 3. С. 169.

²⁷⁵ *Αυγητίδης Γ. Κώστας* Αλέξανδρος Πούσκιν, Ο φιλέλληνας βάρδος του Εικοσιένα (Александр Пушкин, филэллин, бард, воспевший Греческую революцию). Σελ. 102.

английскому поэту несколько центральных строф в стихотворении «К Морю» (1824).

С заключительным эпизодом в истории борьбы греков за независимость, русско-турецкой войной 1828–1829 гг., связаны стихотворение «Олегов щит» («Когда ко граду Константина...») (1829) и черновой набросок «Опять увенчаны мы славой...». Однако здесь уже мы не находим собственно греческих мотивов. Для Пушкина, побывавшего на театре военных действий в Закавказье, это была война России с Турцией. В Европейской части Россия воевала в основном на территории Болгарии, и тема Греции вообще мало присутствует в русской литературе, посвященной этой войне.

ГЛАВА 3. ВОСПРИЯТИЕ А. С. ПУШКИНА В ГРЕЦИИ

В рамках семинара Янинского университета «Русская литература в Греции» под руководством Сони Ильинской была поставлена цель изучения журналов XIX и XX веков с целью определения роли русской литературы в греческом литературном процессе. Однако реализация поставленной задачи затруднилась из-за огромного объема информации, что привело к необходимости ограничить исследование XIX веком, но, тем не менее, не помешало в полной мере охватить период появления произведений русских писателей в греческой печати. В изысканиях, которые продолжались 10 лет приняли участие студенты, работавшие в библиотеках Янины, Салоник и Афин. Вслед за этим обработкой и проверкой полученной информации занимались студенты магистерских программ, и в итоге данный семинар принял вид исследовательской программы. На первом этапе финансовая поддержка была оказана Исследовательским комитетом Янинского Университета, с 1998 по 2000 год – фондом И. Ф. Костопулоса и с 2000 по 2001 год – Министерством экономического развития Греции. Публикация содержащей результаты данного исследования книги была осуществлена при поддержке Министерства культуры Греции. Информация о восприятии творчества Пушкина в Греции представлена нами на основе работы Сони Ильинской²⁷⁶.

Имя Пушкина было впервые упомянуто в греческой печати в рассказе Иоанниса Делиянниса «Русский писатель Пушкин»²⁷⁷, который был опубликован в 1845 году в журнале «Диигимата» («Διηγήματα») в Афинах. В основе этого рассказа лежит история роковой дуэли, которая представлена как конфликт чрезвычайно одаренного героя с пустой и мертвенной

---

²⁷⁶*Ιλίνσκαγια Σόνια Η Ρωσική Λογοτεχνία στην Ελλάδα 19^{ος} αιώνας* (Русская литература в Греции XIX век). Αθήνα: Ελληνικά Γράμματα, 2006.

²⁷⁷Большинство греческих имен, фамилий и названий в русской транскрипции воспроизведены по статье: *Александропулос О.* Русские сюжеты на страницах греческих журналов XIX в.: Александр Пушкин // Греческая культура в России XVII–XX вв. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 72–86.

окружающей средой. Рассказ открывается общим замечанием о том, что «блистательные таланты могут появиться даже в самых неблагоприятных условиях и снискать общественное признание там, где просвещение в целом не процветает»²⁷⁸. И. Делияннис не уделяет большого внимания поэтическому творчеству Пушкина, сосредоточившись на развитии любовной интриги, приведшей к смерти поэта. Тем не менее, он подчеркивает, что Пушкин является самым драгоценным сокровищем России и основоположником того языка, на котором сейчас пишут и говорят все русские. Таким образом, уже первое упоминание Пушкина в греческой печати должно было вызвать у греков большой интерес к его личности.

Сведения о Пушкине поступали в греческую прессу с Запада. Ситуация существенно меняется, когда к ним добавляется информация из собственно греческих источников: от греков, вступивших в непосредственный контакт с русской культурой и осваивающих ее духовные ценности, которые до этого времени оставались практически неизвестны греческому миру. Начало этому процессу было положено профессором кафедры восточных языков Санкт-Петербургского университета К. Цорватзоглу в статье «Русская литература», опубликованной в журнале «Апотики тон офелимон кэ терпнон гносеон» («Αλοθήκη των ωφελίμων και τερπνών γνώσεων») в 1847 г. К. Цорватзоглу ставил своей целью познакомить греческую общественность с богатым литературным наследием и потенциалом русской нации. Данная статья, впрочем, не много способствовала знакомству с творчеством и личностью русского поэта, который упоминался автором «с однословной характеристикой “сатирик”, вместе с “баснописцем Крыловым, филологом Гнедичем, знаменитым историографом Карамзиным, очистившим русский язык от иностранных слов и выражений”»²⁷⁹. Поэзия Пушкина представлена фрагментом из поэмы «Руслан и Людмила» («История финского пастуха и жестокой Наины»), «Евгений Онегин» лишь упомянут как произведение,

---

²⁷⁸Александропулос О. Русские сюжеты на страницах греческих журналов XIX в. С. 74–75.

²⁷⁹Там же. С. 76.

имеющее сходство с «Дон Жуаном» Байрона. Некоторый интерес у автора статьи вызывают «романтические» стихотворения Пушкина, в то время как в упоминании других произведений допущено довольно много неточностей.

Особого внимания также заслуживает переводная французская статья, появившаяся в греческой печати в журнале «Эвтерпи» («Ευτέρπη») в 1851 г. под названием «О русской филологии. Пушкин, Лермонтов, Гоголь». В статье Пушкин характеризуется как «основатель подлинной русской литературы», как «первый национальный русский поэт, который научил Россию говорить». Как отмечает О. Александропулос, «некоторые суждения автора едва ли можно признать удачными, тем не менее важно упомянуть, что в контексте публикации о русской классической литературе это первый очерк, содержащий ряд метких наблюдений о трех писателях, написанный квалифицированно и (хотя не принадлежит греческому автору) введенный стараниями переводчика в греческий литературный обиход»²⁸⁰. Наряду с этим, отмечается, что репутация Пушкина как хорошего поэта стала распространяться вне пределов его родины только после его смерти, и даже в то время его истинная ценность была не до конца понятна. Осознание ценности и величия Пушкина пришло только в последующие годы.

На изучение Пушкина в Греции влияли следующие факторы. Во-первых, большое количество публикаций о Пушкине и русской литературе в целом в греческой прессе середины XIX в. переводные (в основном с французского) и несут, таким образом, «заимствованные оценки». Во-вторых, знакомство с Пушкиным приходится на «романтический» период современного греческого общества. Обращение к творчеству Пушкина происходит в контексте общего развития романтического модуса и поиска занимательного чтения. Так, в 1851 г. в журнале «Пандора» («Πανδώρα») публикуется перевод пушкинской «Метели» как «русский рассказ» «Снежная буря» с сокращениями и без указания имени автора. Степень информированности греческих читателей о русской культуре и, в частности,

---

²⁸⁰Там же. С. 77.

о творчестве Пушкина в целом невелика. Имеющимся публикациям свойственны неточности, ошибки, поверхностные суждения, как, например, публикации И. Кигалласа под названием «Краткая заметка о величайших русских поэтах и прозаиках» в журнале «Пандора» («Πανδώρα») в 1852 г. В ней в связи о Пушкине было написано, что он был «был первым поэтическим воспитателем своей нации, и в своих стихах более всего подражает прославленному Байрону».

Греческим публикациям о русской литературе середины XIX в. свойственна определенная «разрозненность»: каждый автор излагает свои сведения и высказывает собственное мнение, без учета предыдущих, каждый чувствует себя первопроходцем, что увеличивает его энтузиазм и самонадеянность. Таким образом, подход к изучению творчества Пушкина не был комплексным, что усугублялось большим количеством неточностей, а также оценками авторов, которые зачастую отличались непоследовательностью.

Наиболее полной и насыщенной материалом работой этого времени о русском поэте, несомненно, является критическая статья Стефаноса Каратеодориса, опубликованная в 1872 г. в Стамбуле. «Статья представляет доклад, прочитанный автором на заседании Греческого Учено-литературного Общества в Константинополе, и вызвала большой интерес среди многочисленных членов этого Общества обстоятельностью своего содержания и свежестью и новизной сообщаемых сведений о выдающихся представителях русской литературы, в частности о Пушкине»²⁸¹. С. Каратеодорис принял во внимание мнения предыдущих авторов, и исправил ряд неточностей и ошибочных оценок. Эту статью «следует охарактеризовать как первую краткую историю русской литературы на греческом языке»²⁸².

---

²⁸¹Соколов И. Пушкин в новогреческом переводе // Пушкин в мировой литературе: Сб. статей. Л.: Государственное издательство, 1926. С. 188.

²⁸²Александропулос О. Русские сюжеты на страницах греческих журналов XIX в. С. 73.

Как отмечает И. Соколов, «статья Карафеодори была составлена не на основании непосредственного знакомства с сочинениями Пушкина, а по руководству иностранной, преимущественно французской переводной литературы...»²⁸³. Автор перечисляет основные пушкинские произведения, пересказывая их сюжет, и в целом является более точным в изложении биографических сведений о поэте и в своих литературных оценках. Следует отметить, что у С. «впервые прозвучало уже ставшее известным яркое определение: “Китайская стена и поныне отделяет от нас мир, изучение которого нам, пожалуй, предписано от природы”»²⁸⁴, которым подчеркивалась духовная близость русского и греческого народов. Наряду с этим, Каратеодориса писал о творчестве Пушкина в связи с национальной традицией и соотносил его с тем, что сам поэт называл национальным «самостоянием».

С. Каратеодориса, по-видимому, глубоко занимала проблема национального самоопределения и освобождения от чужого влияния, и не только в отношении России. К примеру, говоря о «Евгении Онегине» и отмечая, что роману не хватает счастливого конца, он интерпретировал это следующим образом: «“Евгений Онегин” – представляет собой горькую сатиру на воспитанное под иностранным влиянием русское общество, и поскольку Пушкин прекрасно понимал, что из этого ничего хорошего не произойдет, а предсказать, когда и каким образом Россия преодолет свою зависимость, он не мог, то, естественно, предпочел молчание»²⁸⁵.

В отношении пушкинского «байронизма» С. Каратеодорис отмежевывается от своих предшественников, снимает с пушкинского имени клеймо «подражателя Байрона» и признает оригинальность его творчества, лишь отчасти вдохновлявшегося английским поэтом. Несмотря на некоторый «байроновский энтузиазм», присутствующий у Пушкина, впрочем,

---

²⁸³Соколов И. Пушкин в новогреческом переводе. С. 189.

²⁸⁴Александропулос О. Русские сюжеты на страницах греческих журналов XIX в. Александр Пушкин. С. 73.

²⁸⁵Там же. С. 78.

характерный для Европы той эпохи в целом, основным источником истинной поэзии, по мнению Каратеодориса, русский поэт считал народную традицию. В этом его бесценное достоинство и основа того вклада, который он внес в социальное преобразование своей нации.

В 1879 г. в журнале «Парнассос» («Παρνασσός») была опубликована статья Константиноса Палеологоса под названием «Русский поэт Пушкин как филэллин». В этой статье, появившейся через семь лет после публикации работы С. Каратеодориса, по-прежнему утверждалось, что «пушкинское творчество продолжает быть для греков *terra incognita*». «Русские поэты отличались до и после Пушкина, – писал Палеологос. – Однако ни один из них не принадлежал к числу тех исторических людей, которые трудясь ради блага современной им эпохи, в то же время готовят следующую эпоху. Справедливо российское общественное мнение назвало его “национальным поэтом”». Палеологос был хорошо знаком с творчеством Пушкина и вообще его вклад в греко-русское общение был большим и многосторонним. К одной из главных его заслуг, можно отнести тот факт, что он ввел в греческую библиографию тему пушкинского филэллинизма. Он отмечал, что для потомков греков пушкинской эпохи Пушкин ценен не только своими либеральными убеждениями (редкостью для того времени в России), но в первую очередь тем, что он был филэллином. «Так на периферии опытов по ознакомлению греческого читателя с Пушкиным возникает тема, которая затем привлечет особое внимание и создаст ту единственную, по сути дела, диалогическую ситуацию, которую можно смотреть в греческой пушкиниане»²⁸⁶.

В 1886 г. в журнале «Аттико Имерологио» («Αττικό Ημερολόγιο») был опубликован очерк Теодороса Велльянитиса под названием «Александр Пушкин». «Впервые в очерке Велльянитиса появляется (в известном своем амплуа) образ Арины Родионовы, а также развернутое описание сцены экзамена в Царскосельском лицее; биографические эпизоды перемежаются с

---

²⁸⁶Там же. С. 78.

идиллическими картинами, рисующими, например, любовь поэта к природе»²⁸⁷. Автор очерка находит, что между греческой и русской культурами существует большое расстояние, которое отделяет их и затрудняет их общение. В Греции не только неизвестна русская литература, пишет Т. Веллянитис, но плохо известна и сама Россия, хотя там много греческих общин. Знания греков о великой северной империи ограничиваются двумя страницами из учебника географии. В поэзии Пушкина он выделяет две основные черты – оригинальность и национальный колорит и социальный импульс и связь с политическим возрождением России. Рассматривая творчество Пушкина сквозь эту призму этих идей, Т. Веллянитис называет его «отправной точкой современной русской культуры, величайшим поэтом, воспитавшим русский народ». По его мнению, Пушкин отверг старый образ мысли, преодолел политические и социальные предрассудки и заложил основу для эмансипации крепостных крестьян. Т. Веллианитис считает Пушкина великим творцом, давшим России новый язык – подлинно национальный, общий и для аристократов, и для мужиков. Таким образом, пушкинское творчество в оценке греческих авторов постепенно освобождается и от романтических оценок, и от «экзотизма» и начинает усваиваться греческим литературным сознанием.

Параллельно с критическими статьями и, начиная с 1848 г., выходят в свет греческие переводы пушкинских произведений. В ряду переводчиков стоит выделить греческого дидаскала Адамантии Харамии (1830–1885), которому в то время принадлежал «единственный на новогреческом языке перевод сочинений Пушкина, исполненный в стихах...»²⁸⁸. Сборник поэтических произведений Пушкина в переводе А. Харамии вышел в свет после его смерти, в 1887 г., в Афинах. Несмотря на то, что А. Харамии «нередко лишь перелагал на свой язык звонкие выкованные стихи Пушкина, не умея выразить их красивым поэтическим языком, в соответствии с

---

²⁸⁷Там же. С. 80.

²⁸⁸Соколов И. Пушкин в новогреческом переводе. С. 194.

особенностями оригинала», его переводу была дана хорошая оценка, поскольку он «вчитался в произведения русского поэта, правильно понимает его мысль и верно передает на новогреческом языке то литературном, то народном»²⁸⁹.

Особый вклад в ознакомлении греков с поэзией Пушкина внес Хараламбос Вулодимос своими двумя изданиями сочинений русского поэта. Первое, вышедшее в свет в 1888 г. в Одессе включало перевод избранных сочинений поэта, второе – перевод романа «Евгений Онегин», получивший положительную оценку. Как отмечает И. Соколов, Вулодимос «очень правильно и точно передает мысли и настроения поэта»²⁹⁰. В предисловии к сборнику 1888 г., Х. Вулодимос, характеризуя греческую картину современного мира, указывает на полное отсутствие в ней русской нации «несмотря на то, что она занимает огромную территорию с многомиллионным населением и имеет оригинальную культуру, к тому же многообразно связанную с греческой»²⁹¹. Эта ситуация, отмечает Вулодимос, отчасти объясняется языковыми трудностями, с которыми сталкиваются переводчики, которые в рамках своих переводов нередко опирались на переводы-посредники.

Хроника переводов пушкинских произведений на греческий язык²⁹²

- «История финляндского пастуха и жестокой Наины» [«Руслан и Людмила»] («Ιστορία του Φιλλανδού ποιμένος και της σκληρής Ναΐνας») в переводе К. Цорватзоглу (Κ. Τσορβατζόγλου), Апотики тон офелимон кэ терпнон гносеон (Αποθήκη των Ωφελίμων και Τερπνών Γνώσεων), т. 2, №10, апрель 1848.

---

²⁸⁹Там же

²⁹⁰Там же. С. 197.

²⁹¹*Александропулос О.* Русские сюжеты на страницах греческих журналов XIX в. Александр Пушкин. С. 73.

²⁹²Хроника переводов пушкинских произведений на греческий язык представлена на основе работы Сони Ильинской: *Ιλίνσκαγια Σόνια Η Ρωσική Λογοτεχνία στην Ελλάδα 19ος αιώνας* (Русская литература в Греции XIX век). Σελ. 75–114.

- «Снежная буря» [«Μετέλις»] («Η χιονώδης θύελλα») в переводе Н. Драгумиса (Ν. Δραγούμης), Пандора (Πανδώρα), т. 1, №13(1.10.1850).
- «Египетские ночи» («Αιγυπτιακαί νύκτες») в переводе А. Г. Скалидиса (Α. Γ. Σκαλίδης), Этники Вивлиотики (Εθνική Βιβλιοθήκη), т. 2, №53(1.12.1866).
- «Желание» («Ευχή») в переводе К. Попа (Κωνσταντίνος Ποπ), Аттикон Имерологион (Αττικόν Ημερολόγιον), 1871.
- «Рассудок и любовь» («Νους και Έρως») в переводе П. Коресиса (Π. Κορέσης), Вирон (Βύρων), т. 1, №10, ноябрь 1874.
- «Поэт» («Ο ποιητής») в переводе К. Попа (Κωνσταντίνος Ποπ), Аттикон Имерологион (Αττικόν Ημερολόγιον), 1875.
- «Демон» («Ο Δαίμων») в переводе К. Попа (Κωνσταντίνος Ποπ), Вирон (Βύρων), т. 3, №2, февраль 1878.
- «Цыганы» (стихотворение опубликовано как рассказ) [«Οι Αθίγγανοι» (δημοσιεύεται ως διήγημα)] в переводе Г. К. И. (Γ.Κ.Υ), Вион (Βίων), №7(1.6.1878), №8 (15.6.1878).
- «Кавказский пленник» («Ο αιχμάλωτος του Καυκάσου») в переводе П. Г. Коколиса(Π. Γ. Κοκόλης), Закинтийос Антон (Ζακύνθιος Ανθών), т. 4, №1, июль 1878.
- «Эпизод из гражданской войны в России. Неизданный рассказ [пропущенная глава Капитанской дочки] («Επεισόδιον του εμφυλίου πολέμου εν Ρωσία», «ανέκδοτον διήγημα»), Парнассос (Παρνασσός), т. 5, №3, март 1881.
- «Капитанская дочка» («Η κόρη του λοχαγού») в переводе Н. Г. Политиса (Ν. Γ. Πολίτης), Эстиа (Εστία), №403(18.9.1883), № 413(27.11.1883).
- «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» («Ιστορία της αποθανούσης πριγκηπίσσης και επτά ιπποτών») в переводе Н. И. Д. (Ν. Ι. Δ.), Аполлон (Απόλλων), т. 4, №39, июль 1886.

- «Дубровский» («Δουβρόφσκης») в переводе П. Аксиотиса (Π. Αξιώτης), Эстиа (Εστία), т. 22, №552(27.7.1886), №557(31.8.1886).
- «Барышня-крестьянка» («Η ευγενής χωρική») в переводе С. Схлиеман (Σοφία Σχλιέμαν), Эвдомас (Εβδομάς), №146(14.12.1886), №147(21.12.1886), №148(28.12.1886).
- «Пиковая дама» («Η Δαμα της Πίκας») в переводе П. Димитриадиса (Π. Δημητριάδης), Эсперос (Εσπερος), т. 6, №139(1/13.2.1887), №140(15/27.2.1887), №141(1/13.3.1887).
- «Фонтану бахчисарайского дворца» (стихотворение, представленное как рассказ) («Η κρήνη του Μπαξέ-Σαράι», ποίημα που παρουσιάζεται ως διήγημα) в переводе П. Г. Коколиса (Π.Γ. Κοκόλης), Эклэкта мифисторимата (Εκλεκτά Μυθιστορήματα), т. 3, №144(12.3.1887), №145(15.3.1887).
- «Полтава» («Πολτάβα») в переводе П. Г. Коколиса (Π. Γ. Κοκόλης), Эклэкта мифисторимата (Εκλεκτά Μυθιστορήματα), т. 3, №191 (23.8.1887), №192 (27.8.1887).
- «Евгений Онегин» (отрывок) [«Ευγένιος Ονέγκιν», (απόσπασμα από έμμετρο μυθιστόρημα)] в переводе А. Г. Константиnidиса (Αγαθοκλής Γ. Κωνσταντινίδης), Эвдомас (Εβδομάς), т. 5, №2, 9.1.1888.
- «Скульптура, живопись и музыка» («Γλυπτική, ζωγραφική και μουσική») в переводе П. Л.(возможно П. Лефас) [Π. Λ. (πιθανόν Π.Λέφας)], Эсперос (Εσπερος), т. 7, №162, 15/27.1.1888.
- «Моцарт и Сальери» («Μόζαρτ και Σαλιέρης») в переводе А. Г. Константиnidиса (Αγαθοκλής Γ. Κωνσταντινίδης), Эвдомас (Εβδομάς), т. 7, №1, 6.1.1890.
- «Сцена из Фауста» («Σκηνή εκ του Φάουστ») в переводе А. Г. Константиnidиса (Αγαθοκλής Γ. Κωνσταντινίδης), Эвдомас (Εβδομάς), т. 7, №5, 3.2.1890.

- «Шекспир по Пушкину. Шейлок, Анджело и Фальстаф» («Ο Σαίξπηρ κατά τον Πούσκιν. Σάϊλοκ, Άγγελος και Φάλσταφ) в переводе Π. Α. Αксиотиса (Π.Α. Αξιώτης), Эвдомас (Εβδομάς), т. 7, №9, 3.3.1890.
- «Борис Годунов» (отрывки) [«Βορίς Γοδουνόφ»(αποσπάσματα)] в переводе Π. Α. Αксиотиса (Π. Α. Αξιώτης), Эвдомас (Εβδομάς), т. 7, №22(2.6.1890), №23(9.6.1890).
- «Барышня-крестьянка» («Αρχοντοπούλα-χωρική») в переводе Α. Γ. Κωνσταντινιδиса (Αγαθοκλής Γ. Κωνσταντινίδης), Эвдомас (Εβδομάς), т. 7, №23(24.6.1890), №24(30.6.1890).
- «Каменный гость» («Ο λίθινος επισκέπτης») в переводе Α. Γ. Κωνσταντινιδиса (Αγαθοκλής Γ. Κωνσταντινίδης), Эвдомас (Εβδομάς), т. 7, №30(28.7.1890), №31(4.8.1890).
- «Золото и булат» («Χρυσός και Χάλυψ») в переводе Α. Γ. Κωνσταντινιδиса (Αγαθοκλής Γ. Κωνσταντινίδης), Эвдомас (Εβδομάς), т. 7, №33, 18.8.1890.
- «Выстрел» («Η βολή») в переводе Α. Γ. Κωνσταντινιδиса (Αγαθοκλής Γ. Κωνσταντινίδης), Эклекта мифисторимата (Εκλεκτά Μυθιστορήματα), т. 6, №549(31.1.1891), №550(3.2.1891).
- «Скупой рыцарь» («Ο φιλάργυρος ιπλότης») в переводе Α. Γ. Κωνσταντινιδиса (Αγαθοκλής Γ. Κωνσταντινίδης), Эвдомас (Εβδομάς), т. 8, №11(16.3.1891), №12(23.3.1891).
- «Кирджали» («Ο Κηρτζαλής») в переводе Α. Γ. Κωνσταντινιδиса (Αγαθοκλής Γ. Κωνσταντινίδης), Эвдомас (Εβδομάς), т. 8, №24, 15.6.1891.
- «Граф Нулин» («Ο κόμης Νούλιν») в переводе Α. Γ. Κωνσταντινιδиса (Αγαθοκλής Γ. Κωνσταντινίδης), Эвдомас (Εβδομάς), т. 8, №37, 2.11.1891.
- «Станционный смотритель» («Ο επιστάτης του ταχυδρομικού σταθμού») в переводе Α. Γ. Κωνσταντινιδиса (Αγαθοκλής Γ. Κωνσταντινίδης), Эклекта мифисторимата (Εκλεκτά Μυθιστορήματα), т. 8, №593(17.11.1891), №594(24.11.1891).

- «Гробовщик» («ο Φερετροποιός») в переводе А. Г. Константиnidиса (Αγαθοκλής Γ. Κωνσταντινίδης), Эвдомас (Εβδομάς), т. 8, №41, 30.11.1891.
- «Цыганы» («Οι αθίγγανοι») в переводе А. Г. Константиnidиса, Эвдомас (Εβδομάς), т. 9, №8, 22.2.1892.
- «Борис Годунов» («Βορίς Γοδουνώφ») в переводе П. А. Аксиотиса (Π. Α. Αξιώτης), Парнассос (Παρνασσός), т.16, №2, октябрь 1893.
- «Жених» («Ο γαμπρός») в переводе А. Г. Константиnidиса (Αγαθοκλής Γ. Κωνσταντινίδης), Пикили Стоа (Ποικίλη Στοά), т. 11, 1895.

Как отмечает О. Александропулос, «относительно греческой пушкинианы с уверенностью можно утверждать, что стимулом ее было совершенно бескорыстное обращение к русскому автору...»²⁹³. По мнению И. Соколова, знакомство греков с Пушкиным «мотивируется и общекультурными интересами, и теми специальными связями греческого мира с русским, которые установились исторически и составляют факт сложного и знаменательного культурного значения»²⁹⁴.

Очевидно, что по сравнению с другими европейскими странами, влияние пушкинского творчества на греческую литературу было небольшим. Это отчасти объяснимо общим историческим контекстом русско-греческих отношений, а также общей ориентацией внешней и внутренней политики Греции.

В 1830 г. на Лондонской конференции произошло признание независимости Греции. В 1832 г. Греческая республика была упразднена. Королем независимой Греции под протекторатом великих держав (Англии, Франции и России) был избран 17-летний баварский принц Оттон. Первые годы Оттон I правил с тремя регентами-баварцами, с 1835 г. – самостоятельно. Внутренняя и внешняя политика государства определялась борьбой английской, французской и русской партии внутри правящей

---

²⁹³Александропулос О. Русские сюжеты на страницах греческих журналов XIX в. Александр Пушкин. С. 79.

²⁹⁴Соколов И. Пушкин в новогреческом переводе. С. 198.

верхушки. При сильной поддержке русской партии 3 сентября 1843 г. произошло вооруженное восстание, и Оттон был вынужден согласиться на принятие конституции. После этого русская партия практически потеряла влияние. Ее требования ограничивались в основном областью религии, тогда как в остальных сферах, в частности в культурной политике, доминировало влияние западных стран.

После отречения Оттона от престола на волне нараставшего общественного недовольства в 1862 г., на его место при посредничестве великих держав приходит Георг I, второй сын короля Дании. В последующие 25 лет в парламентской области доминирует реформатор Харилаос Трикупис. Влияние Англии все еще остается самым сильным.

В сфере литературы в XIX в. в Греции наблюдается повышенный интерес к переводам художественных произведений. Только в период с 1895 по 1909 год в области перевода наблюдается тенденция обращения к литературе северных стран²⁹⁵. Именно в это время в греческой печати появляются переводы русских авторов.

В XX век Греция вступает в состоянии бурления. После неудачной войны, дефолта и введения международного финансового контроля граждане требуют обновления, которое осуществляет Элефтериос Венизелос, под руководством которого страна участвует в Балканских войнах и в Первой мировой войне²⁹⁶. После окончания Первой мировой войны Греция и коммунистическая Россия находятся в разных лагерях. Греция вместе с Англией и Францией в 1918 г. участвует в военной операции в Крыму²⁹⁷. В 1929 г. в ней принимается закон, криминализирующий угрожающие общественному строю идеи, в частности коммунистические, что

---

²⁹⁵ Παπός Φίλιππος, Κατσιγιάννης Αλέξανδρος, Διαμαντοπούλου Λίλια Εισαγωγή στη νεοελληνική φιλολογία (Введение в современную греческую литературу). Αθήνα: Σύνδεσμος Ελληνικών Ακαδημαϊκών Βιβλιοθηκών, 2015. Σελ. 110.

²⁹⁶ Βουρνάς Τάσος Ιστορία της Σύγχρονης Ελλάδας (История современной Греции). Τόμος 1. Αθήνα: Εκδόσεις Αδελφών Τολίδη, 1977. Σελ. 606.

²⁹⁷ Συλλογικό Ιστορία του Ελληνικού Έθνους (История греческой нации), Τόμος 15. Αθήνα: Εκδοτική Αθηνών, 1970. Σελ. 112.

окончательно идеологически удаляет две страны друг от друга и затрудняет всякие переводы русских авторов независимо от их политических убеждений.

В течение Межвоенного периода Греция враждебно относится к России, снова следуя примеру Англии. Потепление между двумя странами, возникшее во время Второй мировой войны, где они выступали союзниками, не помогло развитию культурных связей из-за последовавшей в Греции Гражданской войны (1946–1949 гг.). С этого времени и до 1974 г., до начала внедрения политики «Метаполитефси», отношения с СССР были натянутыми и характеризовались обоюдной недоброжелательностью. В греческом культурном сознании творчество современных русских писателей и поэтов ассоциировалось с левой идеологией, которая безжалостно преследовалась.

Таким образом, что в целом для Греции характерна последовательная прозападная ориентация. Как отмечает К. Авгидитис, в Греции наблюдается тенденция, согласно которой официальная государственная идеология и большое количество историков на всем протяжении исторического пути греческого государства настойчиво, любыми средствами и способами, утверждают эту ориентацию, пытаясь доказать, в частности, что и освобождение страны от турецкого ига было результатом помощи исключительно со стороны Англии и других западных стран. Все, что связано с ролью и решающим вкладом России и русских филэллинов в борьбу за возрождение независимого греческого государства либо замалчивается либо явно искажается²⁹⁸.

Самым известным филэллином в Греции принято считать Байрона, чье имя навсегда связано с историей Греческой революции. Пушкин не вошел в число общепризнанных филэллинов, и связь поэта с Греческой революцией и посвященные ей стихотворения остались неизвестными широкой публике.

---

²⁹⁸ *Αυγητίδης Γ. Κώστας* Αλέξανδρος Πούσκιν, Ο φιλέλληνας βάρδος του Εικοσιένα (Александр Пушкин, филэллин, бард, воспевший Греческую революцию). Αθήνα: Σύγχρονη Εποχή, 2004. Σελ. 148–149.

Помимо других причин, нельзя не учитывать еще один немаловажный фактор, до определенной степени объясняющий сравнительно небольшое влияние творчества Пушкина на современную греческую литературу: трудности, возникающие в процессе перевода пушкинских произведений. Тому, кто не владеет русским языком, указывает Д. Фарсолас, очень трудно составить полное представление о поэтическом гении Пушкина. Нет такого перевода, который мог бы передать то необыкновенное сочетание звука, ритма, образа и смысла, которое делает их совершенными²⁹⁹. Особенно при переводе лирических произведений возникает ряд трудностей в передаче смыслового ядра и характерных стилистических особенностей.

При переводе пушкинской лирики на греческий язык отдается предпочтение свободному переводу, впрочем, в смысловом отношении не отклоняющемуся от оригинала. Система стихосложения в русской поэзии отличается от греческой. В русской поэзии сохраняется рифма и в стихе всегда присутствует ритм. Есть существенные отличия и в традиции использования языковых элементов: в русском стихе отдается предпочтение аджективам, в греческом – номинативам³⁰⁰.

Перед переводчиками стоит проблема передачи метра и рифмы. По замечаниям М. Пациса, поэзия Пушкина отличается метрическим, ритмическим и тоническим разнообразием. Прилагаются усилия для того, чтобы перевести каждое стихотворение, оставаясь в рамках одного размера. В целом просматривается желание переводить ямбическим стихом с ударением на предпоследнем слоге. Для этого требуется особый отбор лексических и выразительных средств, поскольку нередко перевод русского стиха на греческий язык приводит к тому, что одиннадцатисложная строка становится более длинной, превращаясь, в семнадцатисложную.

---

²⁹⁹ *Φαρσόλας Ι. Δημήτριος* Ο Αλέξανδρος Πούσκιν και η Ελληνική Επανάσταση 1821–1829 (Александр Пушкин и Греческая революция 1821–1829). Αθήνα: Φιλίστωρ, 2001. Σελ. 18.

³⁰⁰ *Πάτσης Μιχάλης* Αλέξανδρος Πούσκιν Μικρά ποιήματα (Александр Пушкин Небольшие Стихотворения). Αθήνα: Ατομική έκδοση, 2012. Σελ. 37.

Одиннадцатисложному слогу свойственны своя логика и гармония, и он ближе к поэтическому вдохновению, поэтому переводчики, желая передать простоту оригинала, выбирают именно его³⁰¹.

На уровне лексики наблюдается стремление по возможности сохранить элементы лексикона XIX века. Однако понятно, что в основе переведенного текста лежит лексикон современного греческого языка. По мнению Д. Фарсоласа, слова, используемые Пушкиным, являются по большому счету простыми словами повседневной речи, и невозможно не удивляться тому, какая волшебная сила способна придать горстке гравия блеск и величие драгоценных камней. Красота и величие литературных произведений Пушкина могут быть понятны и полностью оценены лишь на том языке, на котором они были написаны³⁰².

Стоит отметить, что в последнее время ситуация постепенно меняется, учитывая сближение двух стран и установление между ними более тесных культурных связей. Повышенный интерес греков к русскому языку, посвященные русскому поэту мероприятия и установление памятников Пушкину в 2011 г. на острове Родос и в 2014 г. в Афинах содействуют ознакомлению греков с пушкинским творчеством. Развивающиеся культурные отношения между странами поощряют культурный обмен, что в перспективе может привести к возрастанию роли творчества Пушкина в современной греческой культуре.

---

³⁰¹Там же. С. 38.

³⁰²*Φαρσόλας Ι. Δημήτριος* Ο Αλέξανδρος Πούσκιν και η Ελληνική Επανάσταση 1821–1829 (Александр Пушкин и Греческая революция 1821–1829). Σελ. 18.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе была предпринята попытка комплексного анализа влияния древнегреческой культуры на творчество Пушкина и связи поэта с современной ему Грецией, а также были представлены сведения о восприятии наследия русского поэта в Греции.

Первая глава посвящена исследованию влияния древнегреческой культуры на разные этапы пушкинского творчества: в Лицее (1813–1817), в Петербурге (1817–1820), на Юге (1820–1826) и после Юга (1826–1837). Древнегреческая культура, безусловно, притягивала внимание Пушкина и сопровождала его на протяжении всего творческого пути, находя в нем множество откликов. Пушкинские литературные приоритеты, однако, не оставались неизменными, и с течением времени и его отношение к культурному наследию древности менялось.

Царскосельский Лицей, как своим учебным планом, так и своим окружающим пространством, в котором доминировала античность, предоставил поэту фундаментальные знания в области древности. Так, в частности, пушкинские лицейские стихотворения наполнены именами древнегреческих исторических лиц, именами из древнегреческой мифологии и греческими топонимами. При всем том знания Пушкина в тот момент не отличались глубиной: все, так или иначе связанные с древнегреческой культурой, имена и отсылки к древности в целом не выходят за рамки традиционных маркеров поэтического стиля эпохи.

Для произведений, написанных в годы, следующие за Лицеем и проведенные в Петербурге, характерна значительная убыль отсылок к древности, но, тем не менее, в жизни поэта происходят события, приведшие в дальнейшем к более осознанному подходу к античному наследию. Пушкин попадает в оленинский круг, в котором завязывает личные контакты с такими любителями и знатоками античности, как например С. С. Уваров или Н. И. Гнедич, и становится свидетелем заключительных этапов полемики о

русском гекзаметре, навернувшейся вокруг перевода Гнедичем «Илиады» Гомера.

Глубокое осознание культурного наследия античности приходит к поэту во время его пребывания в ссылке на юге, когда он знакомится с творчеством глубокого ценителя древней Греции, Андре Шенье. Через его переводы и фрагменты «в древнем вкусе» Пушкин знакомится с творчеством древнегреческих авторов и переосмысляет полученные в Лицее знания об античности. Вдохновляясь ими, он создает свои антологические стихотворения, составившие в его первом поэтическом сборнике 1826 г. жанр «Подражаний древним». Помимо этого, у поэта, оказавшегося на юге в самый разгар Греческой революции, возникает интерес к современной греческой истории, он заводит знакомства с множеством греков, что также способствует сближению его с греческой культурой.

Новое отношение Пушкина к античности, начавшееся на юге, развивается в последующие годы, вплоть до конца жизни поэта. В 1830-е годы Пушкин впервые непосредственно обращается к оригинальной древнегреческой лирике. В ту пору появляются пушкинские переводы древнегреческих авторов: стихотворения «Из Ксенофана Колофонского» и «Из Афиняя», которые ярко обозначают осознанное обращение поэта к древнегреческой поэзии и ее глубокое понимание.

Во второй главе наше внимание было сосредоточено на интересе Пушкина к Греческой революции 1821 г., на его личных связях с ее участниками, и на процессе формирования у Пушкина филэллинистических взглядов. Знакомство поэта с греческими делами началось в 1821 г., когда он находился в ссылке на юге, в Кишиневе. В 1820-е годы в Кишиневе не только находился центр революционной деятельности Филики Этерии, но и процветала греческая община, что и привело к знакомству Пушкина с членами этого тайного общества, другими филэллинами, а также с простыми представителями греческого народа. Этот круг общения способствовал заинтересованности поэта Греческой революцией, выразившемся, в

частности, в его известных трех письмах о ней, как, впрочем, в заметках о греческих революционерах: Ипсиланти и Пендадеке, и в ряде стихотворений: «Война», «Гречанка верная! не плачь – он пал героем...», «Восстань, о Греция, восстань», «Олегов щит» и «Опять увенчаны мы славой...».

В третьей главе была предпринята попытка исследования влияния пушкинского творчества на греческую литературу. Пушкинское имя было впервые упомянуто в греческой печати в 1845 году, а первый перевод пушкинского произведения встречается в 1848 году. Мы приходим к заключению, что творчество русского поэта оказало сравнительно небольшое влияние на современную греческую литературу, что объясняется тремя причинами: во-первых, общим историческим контекстом русско-греческих отношений, который, несомненно, влиял и на сферу литературы. Во-вторых, характером/природой греческого и русского языков, и специфическими трудностями для переводчиков в передаче художественного своеобразия произведений Пушкина, особенно лирических. В-третьих, тем, что исторически имя Пушкина не вошло в ряд имен общепризнанных филэллингов и, следовательно, его связь с Греческой революцией и посвященные ей стихотворения остались неизвестными широкой публике в Греции. Однако стоит отметить, что в последние годы, по мере сближения двух стран в сфере культуры, эта ситуация постепенно меняется.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16; 1959. Т. 17: Справочный том.
2. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб.: Наука, 1999. Т. 1; 2004. Т. 2, кн. 1; 2009. Т. 7; 2016. Т. 2, кн. 2.

Научная и критическая литература

3. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников / Сост. и примеч. В. Э. Вацура и др. 2-е изд. М. : Худож. лит., 1985. Т. 1–2.
4. *Александропулос О.* Русские сюжеты на страницах греческих журналов XIX в. Александр Пушкин // Греческая культура в России XVII–XX вв. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 72–86.
5. *Алексеев М. П.* К источникам «Подражаний древним» Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 20–28.
6. *Алексеев М. П.* Пушкин и Запад // Пушкин и мировая литература. Л.: Наука, 1987.
7. Арзамас: Сб. в 2 кн. / Под общей ред. В. Э. Вацура и А. Л. Осповата. Кн. 2: Из литературного наследия «Арзамаса». М.: Худож. лит., 1994.
8. *Арш Г. Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: От Екатерины II до Николая I: Очерки. М.: Индрик, 2013.
9. *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. СПб.: Погодин и Стасюлевич, 1888.
10. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1953–1959.
11. *Бонди С. М.* Пушкин и русский гекзаметр // Бонди С. М. О Пушкине: Статьи и исследования. М.: Худож. лит., 1978. С. 310–371.

12. *Владимирский Г. Д.* Пушкин-переводчик // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Вып. 4/5. С. 300–330.
13. *Габов Г. И.* Общественно-политические и философские взгляды декабристов. М.: Госполитиздат, 1954.
14. *Гаспаров М. Л.* «Из Ксенофана Колофонского» Пушкина: (Поэтика перевода) // Гаспаров М. Л. Избранные труды: В 4 т. Т. 2. О стихах. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 88–99.
15. *Гельд Г. Г.* Пушкин и Афиней // Пушкин и его современники. Л., 1927. Вып. 31–32. С. 15–18.
16. *Глинка Ф. Н.* Избр. произведения. Л.: Сов. писатель, 1957.
17. *Гнедич Н. И.* Замечания на «Опыт о русском стихотворении» г-на В<остокова> // Вестник Европы. 1818. Ч. 99, № 10. С. 99–146; № 11. С. 187–221.
18. *Гнедич Н. И.* Ответ <С. С. Уварову***> // Арзамас. Сб. Кн. 2: Из литературного наследия «Арзамаса». М.: Худож. лит., 1994. С. 83–85.
19. *Гнедич Н. И.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1956.
20. *Городецкий Б. П.* Лирика Пушкина. М.; Л., 1962.
21. *Гофман М. Л.* Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Петербург: Атеней. 1922.
22. *Дератани Н. Ф.* Пушкин и античность // Учен. зап. Моск. пед. ин-та. Каф. истории всеобщей лит. 1938. Вып. 4. С. 5–34.
23. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1880 август. Глава вторая. Пушкин // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 425–440.
24. *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.;Л., 1964.
25. *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

26. История греческой литературы Т. 1. Эпос. Лирика. Драма классического периода / Под ред. С. И. Соболевского, Б. В. Горнунга, С. Г. Гринберга и др. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
27. *Кибальник С. А.* Античная поэзия в России. XVIII – первая половина XIX века: Очерки. СПб.: ИД «Петрополис», 2012.
28. *Кибальник С. А.* Антологические эпиграммы Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. Т. 12. С. 152–174.
29. *Кибальник С. А.* Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л., 1990.
30. *Кнабе Г. С.* Пушкин и античность // Кнабе Г. С. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия к культуре России. М., 1999. С. 145–153.
31. *Кнабе Г. С.* Пушкин и античность: Годы перелома // Slavic almanac: The South African Year Book for Slavic, Central and East European Studies. 1999. Vol. 5. N 7/8. P. 32–50.
32. *Кукулевич А. М., Орлов В. Н.* Гнедич // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 5: Литература первой половины XIX века. Ч. 1. С. 418–435.
33. *Кюхельбекер В. К.* Соч. Л.: Худож. лит., 1989.
34. *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988.
35. *Левкович Я. Л.* К творческой истории перевода Пушкина «Из Ксенофана Колофонского» // Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л.: Наука, 1972. С. 91–100.
36. *Левкович Я. Л.* Три письма Пушкина о Греческой революции 1821 года // Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1987. Вып. 21. С. 16–23.
37. Лорд Мальмсбюри о России в царствовании Екатерины II // Русский архив. 1874. Т. 2, № 7 Стб. 143–186.

38. *Лотман Ю. М.* Пушкин. СПб.: Искусство – СПб., 1995.
39. *Любавин М. А.* Лицейские учителя Пушкина и их книги. 2-е изд. СПб.: Сударыня, 2009. С. 77–114.
40. *Любомудров С. И.* Античные мотивы в поэзии Пушкина. 2-е изд. СПб., 1901.
41. *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое лит. обозрение, 2008.
42. *Мальчукова Т. Г.* «Подражания древним», «Эпиграммы во вкусе древних» и «Анфологические эпиграммы» в лирике А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики: Исследования и материалы. Петрозаводск, 1990. Вып. 1.
43. *Мальчукова Т. Г.* О жанровых традициях в «Анфологических эпиграммах» А. С. Пушкина // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1986.
44. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1–3.
45. Письма к В. А. Жуковскому // Русский архив. 1871. № 2. Стб. 0133–0188.
46. *Покровский М. М.* Пушкин и античность // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Т. 4/5. С. 27–56.
47. *Проскурина В. Ю.* Империя пера Екатерины II: Литература как политика. М.: Новое лит. обозрение, 2017.
48. Пушкин и античность / отв. ред.: А. С. Курилов, И. В. Шталь, М.: Наследие, 2001.
49. Ручная книга древней классической словесности, содержащая: I. Археологию. II. Обозрение классических авторов. III. Мифологию. IV-V. Древности греческие и римские / собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб.: В Унив. тип., 1816-1817. Т. 1–2.
50. *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1971.

51. *Сандомирская В. Б.* Из истории пушкинского цикла «Подражания древним»: (Пушкин и Батюшков) // *Временник Пушкинской комиссии, 1975 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. С. 15–30.*
52. *Сандомирская В. Б.* Переводы и переложения Пушкина из А. Шенье // *Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. Т. 8. С. 90–106.*
53. *Свирин Н.* Пушкин и греческое восстание // *Знамя. М.: Худож. лит., 1935. № 11.*
54. *Свиясов Е. В.* Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.: Библиографич. указатель СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.
55. *Селинов В.* Пушкин и греческое восстание // *Пушкин. Статьи и материалы / под ред. М. П. Алексеева. Одесса: Одесский Дом ученых, 1926. Вып. 2. С. 5–31.*
56. *Смирнов-Ульяновский В. А.* Пушкин и декабристы // *А. С. Пушкин. 1837–1937: Сборник статей и материалов. Саратов: Саратовское областное издательство, 1937.*
57. *Соколов И.* Пушкин в новогреческом переводе // *Пушкин в мировой литературе: Сб. статей. Л.: Государственное издательство, 1926. С. 188–198.*
58. *Соловьев В. С.* Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // *Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 41–91.*
59. *Сурат И., Бочаров С.* Пушкин: Краткий очерк жизни и творчества. М.: Языки славянской культуры, 2002.
60. *Тахо-Годи А. А.* Жанрово-стилевые типы пушкинской античности // *Писатель и жизнь. М., 1971. Вып. 6. С. 180–200.*
61. *Томашевский Б. В.* Заметки о Пушкине // *Пушкин и его современники. Пб., 1923. Вып. 36.*

62. *Томашевский Б. В.* Из пушкинских рукописей // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 16–18. С. 273–320.
63. *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Кн. 1: 1813–1824.
64. *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л.: Наука, 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837).
65. *Уваров С. С.* Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзамене // Арзамас. Сб. М.: Худож. лит., 1994. Кн. 2: Из литературного наследия «Арзамаса». С. 78–83.
66. *Уваров С. С., Батюшков К. Н.* О греческой антологии // Арзамас. Сб. М.: Худож. лит., 1994. Кн. 2: Из литературного наследия «Арзамаса». С. 100–115.
67. *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин: Опыт научной биографии. СПб.: РНБ, 2006.
68. *Формозов А. А.* Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М.: Языки рус. культуры, 2000.
69. *Худошина Э. И.* Структура пародии А. С. Пушкина “Ода... графу Хвостову” // Лирическое стихотворение: анализы и разборы. Учебное пособие. Л., 1974. С. 45–53.
70. *Черейский Л. А.* Современники Пушкина: Документальные очерки. - 2-е изд., испр. и доп. - М. : ОЛМА-пресс ; СПб.: Нева Паритет, 1999.
71. *Черняев П. А. С.* Пушкин как любитель античного мира и переводчик древнеклассических поэтов. Казань, 1999.
72. *Якубович Д. П.* Античность в творчестве Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 6. С. 92–159.
73. *Greenleaf Monika* Pushkin and Romantic Fashion: Fragment, Elegy, Orient, Irony. Stanford: Stanford University Press, 1994.
74. *Prousis C. T.* Russian Philorthodox Relief During The Greek War Of Independence. University of North Florida: History Faculty Publications, 1985.

75. *Reeder R.* The Greek Anthology and its influence on Pushkin's poetic style // Canadian-American Slavic Studies. 1976. Vol. 10, N 2.
76. Voltaire – Catherine II. Correspondance 1763–1778. Paris: Non Lieu, 2006.
77. *Αλεξανδρόπουλος Μήτσος* Πέντε Ρώσοι κλασικοί (5 русских классиков). Αθήνα: Ελληνικά Γράμματα, 2006.
78. *Αυγητίδης Γ. Κώστας* Αλέξανδρος Πούσκιν, Ο φιλέλληνας βάρδος του Εικοσιένα (Александр Пушкин, филэллин, бард, воспевший Греческую революцию). Αθήνα: Σύγχρονη Εποχή, 2004.
79. *Βακαλόπουλος Απόστολος* Καίρια θέματα της ιστορίας μας (Ключевые события нашей истории), Θεσσαλονίκη: Εκδόσεις Βάνιας, 1988.
80. *Βερέμης Θάνος, Γιάννης Κολιόπουλος* Η συγκρότηση εξουσίας στην επαναστατημένη Ελλάδα (Становление власти в революционной Греции). Αθήνα: Εκδόσεις Σκάι, 2010.
81. *Βουρνάς Τάσος* Ιστορία της Νεώτερης και Σύγχρονης Ελλάδας (Новейшая история современной Греции). Τόμος Α. Αθήνα: Εκδόσεις Πατάκη, 2006.
82. *Βουρνάς Τάσος* Ιστορία της Σύγχρονης Ελλάδας (История современной Греции). Τόμος 1. Αθήνα: Εκδόσεις Αδελφών Τολίδη, 1977.
83. *Βουρνάς Τάσος* Φιλική Εταιρία (Филики Этерия). Αθήνα: Εκδόσεις Αφών Τολίδη, 1982.
84. *Ιλίνσκαγια Σόνια* Η ελληνική επανάσταση του 1821 στον καθρέφτη της ρωσικής ποίησης (Греческая революция 1821 года в зеркале русской поэзии). Αθήνα: Βιβλιοπωλείον της Εστίας, 2001.
85. *Ιλίνσκαγια Σόνια* Η Ρωσική Λογοτεχνία στην Ελλάδα 19^{ος} αιώνας (Русская литература в Греции XIX век). Αθήνα: Ελληνικά Γράμματα, 2006.
86. *Σβορώνος Γ. Νίκος* Επισκόπηση της νεοελληνικής ιστορίας (Обзор новогреческой истории). Αθήνα: Εκδόσεις Θεμέλιο, 2007.
87. *Συλλογικό* Ιστορία του Ελληνικού Έθνους (История греческой нации), Τόμος 15. Αθήνα: Εκδοτική Αθηνών, 1970.

88. Παπάς Φίλιππος, Κατσιγιάννης Αλέξανδρος, Διαμαντοπούλου Λίλια Εισαγωγή στη νεοελληνική φιλολογία (Введение в современную греческую литературу). Αθήνα: Σύνδεσμος Ελληνικών Ακαδημαϊκών Βιβλιοθηκών, 2015.

89. Πάτσης Μιχάλης Αλέξανδρος Πούσκιν Μικρά ποιήματα (Александр Пушкин Небольшие Стихотворения). Αθήνα: Ατομική έκδοση, 2012.

90. Φαρσόλας Ι. Δημήτριος Ο Αλέξανδρος Πούσκιν και η Ελληνική Επανάσταση 1821–1829 (Александр Пушкин и Греческая революция 1821–1829). Αθήνα: Φιλίστωρ, 2001.

Справочная литература

91. Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб.: Наука, 2004.

92. Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1. А — Д, СПб.: Нестор-История, 2009.

93. Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 2: Е — К, СПб.: Нестор-История, 2012.

94. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1–5 / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Советская энциклопедия; Большая российская энциклопедия, 1989–2007.

95. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Изд. 2-е, доп. и перераб. Л.: Наука, 1988.